

**ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ» (СПбГУ)**

Выпускная квалификационная работа на тему:

ФЕНОМЕН ВОСПРИЯТИЯ ДЕТСТВА В ДОПЕТРОВСКОЙ РУСИ

по направлению подготовки 030600 – История
образовательная программа бакалавриата История
профиль: *Отечественная история*

Выполнил:
студент 4 курса
очного отделения
Смирнов Роман Олегович

Научный руководитель:
д.и.н., доцент
Соколов Роман Александрович

Санкт-Петербург
2017

Оглавление

Введение 3

Глава 1 Детство как первый период жизни древнерусского человека 11

1.1 Детство как культурно-исторический феномен 11

1.2 Периодизация детства в древнерусской традиции 12

1.3 Столкновение христианского и языческого в детства в Древней Руси
15

Глава 2 Отношения взрослого и ребёнка в древнерусской повседневности 18

2.1 Восприятие ребёнка через философскую категорию Другого 18

2.2 Традиция любящего небрежения 22

2.3 О потеплении в отношении к детям 28

2.4 Образ идеального ребёнка 34

Заключение 38

Список источников и литературы 39

Введение

История детства как раздел междисциплинарной области children's studies («детских исследований») – сравнительно молодая научная дисциплина, получившая широкое распространение после выхода в свет в 1960 г. книги французского историка Ф. Арьеса «Ребёнок и семейная жизнь при Старом Порядке»¹. Эта работа, заложившая фундамент методологии истории детства и цитируемая «также часто, как Священное писание»², однако не является первой в своём роде. Двадцатый век с его возросшим интересом к ребёнку дал начало множеству направлений children's studies. Ребёнок (равно как и его история) вдруг становится значимым, ведь он – как отмечает шведский исследователь Э. Кей – виделся людям XX в. спасителем мира, тем, кто в будущем избавит его от насилия, неравенства и войны³. В некотором смысле пионером в области children's studies стала вышедшая в 1928 г. работа М. Мид «Взросление на Самоа»⁴. Проведя год среди коренных жителей Полинезии, М. Мид пришла к выводу, что природа подросткового протеста на западе обусловлена различными патриархальными табу, направленными на ограничение сексуальной свободы⁵.

М. Мид, вышедшая из стен Колумбийского университета, который три десятилетия спустя станет одним из центров крупнейшего в США студенческого протеста, таким образом, предвосхитила идеи шестидесятников и новых левых – молодых интеллектуалов, из плеяды которых вышли отцы-основатели новой истории, частью которой сегодня является история детства.

Примечательно, что в то время, когда на Восточном побережье М. Мид закладывала основы детской антропологии, в советской России свои труды писал знаменитый в будущем психолог и педагог Л. С. Выготский. В рамках своей концепции он разрабатывает периодизацию детства, говоря о том, что это состояние человека хронологически неоднородно: существует шесть различных детских возрастов⁶.

¹ Ariès P. L'Enfant et la vie familiale sous l'Ancien Régime. Paris: Plon, 1960. 503 p. (пер. на рус.: Арьес Ф. Ребёнок и семейная жизнь при Старом порядке. Екатеринбург: Изд-во Уральского университета, 1999. 415 с.)

² Цит. по: Де Моз Л. Психоистория. Ростов-на-Дону, 2000. С. 16.

³ Квас Е. В. Ребенок и детство в современных гуманитарных исследованиях // Future Human Image. Киев, 2014. № 2. С. 288.

⁴ Mead M. Coming of Age in Samoa. New York: William Morrow and Co., 1928. 297 p. (пер. на рус.: Мид М. Культура и мир детства. Избранные произведения. М.: Наука, 1988. С. 88-171.)

⁵ Мид М. Культура и мир детства. Избранные произведения. М.: Наука, 1988. С. 151-171.

⁶ Крупенина М. И. Концепция детства в литературе // ИСОМ. М.; Краснодар 2015. № 3. С. 202.

В одной из работ Л. С. Выготского «Проблема возраста», законченной в 1934 г.⁷, высказывается мысль о том, что развитие ребёнка, как и само понимание детства, неразрывно связаны с социально-культурным состоянием общества. Иными словами, в разных обществах, а стало быть, в разные эпохи, дети мыслили и развивались по-разному. Эта мысль, являющаяся сегодня непреложным тезисом children's studies, на тот момент ещё не казалась столь очевидной и правильной, а сам Л. С. Выготский после своей смерти в 1934 г. был на долгое время забыт.

Однако недооцененный своими современниками и соотечественниками (впрочем, как и другой советский учёный – М. М. Бахтин, внёсший колоссальный вклад в структуралистский подход и современное гуманитарное знание) Л. С. Выготский был справедливо реабилитирован в 1970-е гг. Реабилитацией трудов Л. С. Выготского активнее всего занимались психологи из США. Одним из таких психологов был нью-йоркский исследователь Л. Де Моз. Вышедший из стен Колумбийского университета, так же как М. Мид, Л. Де Моз стал основателем психоистории – особой научной дисциплины, объединяющей методологию истории с подходом Лакана-Фрейда.

Считая вслед за глубинной психологией, что детские переживания создают основу для бессознательного, которое в свою очередь мотивирует поведение индивида, Л. Де Моз ставит во главу психоистории именно историю детства. Его книга «Психоистория», вышедшая в Нью-Йорке в 1975 г.⁸, уже после означенной монографии Ф. Арьеса, по сей день вызывает споры исследователей, в том числе и российских⁹. Однако именно она одной из первых дала полную картину истории детства и воспитания, выделив в последнем шесть исторических моделей (стилей), сменяющих друг друга на протяжении двух с половиной тысяч лет¹⁰. Именно концепция Л. Де Моза в историографии рассматривается как главная альтернатива арьесовской концепции детства, причём историки прибегают не только к сравнению двух взглядов, но и к попыткам их примирения, как, например, это сделал немецкий историк К. Лёмер¹¹.

Незадолго до Ф. Арьеса – в пятидесятые годы – вопросами конструирования детства и его историей занимался Ян Хендрик ван ден Берг

⁷ Выготский Л. С. Собрание сочинений: В 6-ти т. Т.4. М., 1984. С. 244-268.

⁸ DeMause L. The New psychohistory. New York: Psychohistory Press, 1975. 333 p. (пер. на рус.: Де Моз Л. Психоистория. Ростов-на-Дону: Феникс, 2000. 512 с.)

⁹ Пример критики Де Моза, в частности за игнорирование климатических факторов: Левашкина З. Н. Жестокое отношение к детям в варварский период в западной Европе // Вестник ТГПУ. Томск, 2012. № 3. С. 66.

¹⁰ Де Моз Л. Психоистория. Ростов-на-Дону: Феникс, 2000. С. 83-86.

¹¹ Белова А. В. «Мир женского детства» в дворянской России XVIII - середины XIX века как методологическая проблема истории повседневности // Женщина в российском обществе. Иваново, 2005. № 3-4. С. 32.

– психиатр из Нидерландов, так же как и Ф. Арьес говоривший о «изобретении» детства в своей монографии «Метаблетика»¹².

Таким образом, все исследователи, упомянутые выше, могут по праву разделить с Ф. Арьесом славу основоположников истории детства. По поводу самого Ф. Арьеса стоит сказать, что в первое десятилетие после выхода «Ребёнка и семейной жизни при старом порядке», эта книга пользовалась почти непререкаемым авторитетом. Популярности монографии Ф. Арьеса способствовало и то, что выход книги совпал с так называемым новым поворотом к ребёнку. Вдохновлённые Франкфуртской школой молодые интеллектуалы начинают осознавать детей как угнетённую социальную группу – начинается эмансипация ребёнка, появляется эмансипационная педагогика, которая, в конечном счёте, оказала сильнейшее влияние на организацию процессов воспитания и образования в западном мире¹³.

Однако уже в семидесятые годы тезисы, высказанные Ф. Арьесом – особенно тезис об отсутствии в средние века детства как особой категории – стали подвергаться развёрнутой критике. Историки упрекали Ф. Арьеса в том, что он – сознательно или нет – проигнорировал те работы средневековых иконописцев, где дети изображались не как уменьшенные взрослые, а как настоящие дети, со свойственными им пропорциями и позами.¹⁴ Кроме конструктивной критики Ф. Арьес подвергался также и настоящим нападкам, в частности оппоненты обвиняли его в том, что он не является историком по профессии, ведь его основное место работы – институт тропических фруктов.¹⁵

В 1986 г. американский историк Барбара Ханауолт выпустила книгу «The Ties That Bound»¹⁶, в которой оспорила положение Ф. Арьеса об отсутствии в средние века любви к ребёнку и холодном к нему отношении в семье. Согласно Б. Ханауолт, модель нуклеарной семьи, чьё появление ранее историки связывали с началом нового времени и рождением буржуазно-капиталистических отношений, существовала и в средневековье. Это в корне меняло не только представление историков о феномене детства, но и о генезисе семьи в целом.

¹² Тендрякова М. В., Рожков А. Ю. Международная конференция «История детства как предмет исследования: наследие Ф. Арьеса в Европе и России» // Новое литературное обозрение. М., 2010. № 103 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/nlo/2010/103/te41.html>, свободный. Загл. с экрана. Яз. рус. (02.04.2017).

¹³ Квас Е. В. Ребенок и детство в современных гуманитарных исследованиях // Future Human Image. Киев, 2014. № 2. С. 290-291.

¹⁴ Кон И. С. Детство как социальный феномен // ЖИСП. М., 2004. № 2. С.155.

¹⁵ Белова А. В. «Мир женского детства» в дворянской России XVIII - середины XIX века как методологическая проблема истории повседневности // Женщина в российском обществе. Иваново, 2005. № 3-4. С. 30-31.

¹⁶ Hanawalt B. The ties that bound. Peasant families in medieval England. Oxford, 1986. 346 p.

На данный момент наиболее полно анти-арьесовскую концепцию детства транслирует «Medieval Children»¹⁷ – книга британского медиевиста Николаса Орма, изданная в 2001 г. издательством Йельского университета. В противовес средневековому небрежению к детям, о котором пишет Ф. Арьес, Н. Орм говорит о том, что ребёнок был радостью для средневековых родителей: рождение детей праздновали, а сами дни рождения надолго запоминали. Кроме этого, уже в средние века существовали святые дети, наравне со взрослыми входившие в пантеон святых, теологи католической церкви призывали молиться о детях, а некоторые произведения литературы – в частности Н. Орм рассматривает цикл легенд и романов о короле Артуре – изначально создавались в качестве детской литературы.

В конце своей монографии Н. Орм приходит к выводу, что дети в средние века и раннем новом времени всё-таки были особой категорией, а не рассматривались как «маленькие взрослые».¹⁸

Как бы то ни было, труд Ф. Арьеса по сей день является одним из самых цитируемых среди историков детства, а исследователи в разных странах – в том числе и в России¹⁹ – организуют коммеморации, приуроченные к дате выхода книги. Своего рода итог дискуссиям вокруг книги «Ребёнок и семейная жизнь при старом порядке» в своём докладе на московской конференции «История детства как предмет исследования: наследие Ф. Арьеса в Европе и России» подвёл британский историк Колин Хейвуд, сказавший, что как бы мы ни относились к положениям, высказанным Ф. Арьесом, мы не можем отрицать того факта, что его труд послужил отправной точкой для истории детства как дисциплины.²⁰

Показательно, что на начало девяностых годов прошлого века работ, так или иначе затрагивающих историю детства, в российской исторической науке почти не было. Особняком стоит разве что монография Б. А. Романова «Люди и нравы Древней Руси»²¹. Наследник дореволюционной петербургской исторической школы, ученик А. Е. Преснякова, Б. А. Романов в своём исследовании шёл дальше господствующих в советской исторической науке предписаний: он изучал не социальные группы, а человека, его переживания, быт и нрав. Главу «Жизнь человека»,²² первая

¹⁷ Orme N. Medieval Children. New Haven, 2001. 387 p.

¹⁸ Orme N. Medieval Children. New Haven, 2001. P. 338.

¹⁹ Тендрякова М. В., Рожков А. Ю. Международная конференция «История детства как предмет исследования: наследие Ф. Арьеса в Европе и России» // Новое литературное обозрение. М., 2010. № 103 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/nlo/2010/103/te41.html>, свободный. Загл. с экрана. Яз. рус. (02.04.2017).

²⁰ Там же.

²¹ Романов Б. А. Люди и нравы Древней Руси. Л., 1947. 344 с.

²² Там же. С. 182-213.

половина которой полностью посвящена вопросам детства и воспитания, можно считать первым российским очерком по истории детства, который, что примечательно, вышел на тринадцать лет раньше, чем хрестоматийная «Ребёнок и семейная жизнь при Старом Порядке».

Несмотря на это, количественный прорыв в российской историографии по вопросам детства произошёл только спустя несколько десятилетий. Уже после того, как упомянутый выше труд Ф. Арьеса был переведён на русский язык²³.

По мнению О. Е. Кошелевой, одной из первых отечественных исследовательниц русского детства, говорить о существовании истории детства как самостоятельной дисциплины, пока не приходится: «По крайней мере вы не найдёте такого рубрикатора в библиотечных каталогах России...»²⁴ В пользу этого мнения говорит и тот факт, что до сих пор не существует обобщающего труда, рассматривающего отечественную историю детства во всей ретроспективе.

Стоит отметить, что вопросы истории детства в России интересуют и западных историков. Ещё в 1980 г. вышла монография американского исследователя Макса Окенфусса «The Discovery of Childhood in Russia: The Evidence of the Slavic Primer», в которой рассматривается процесс обучения грамоте в России XVI-XVIII вв.²⁵ Автору принадлежат и более мелкие исследования, связанные с российском детством и, в особенности, с образованием в России. Например, статья «Education and Empire: School Reform in Enlightened Russia»²⁶.

Особенно часто в российской историографии цитируются работы оксфордского историка Катрионы Келли: прежде всего, её монографии «Children's World: Growing Up in Russia, 1890-1991»²⁷ и «Comrade Pavlik: The Rise and Fall of a Soviet Boy Hero»²⁸.

В самой России к настоящему времени сложилось несколько центров, занимающихся историей детства. Один из них сформировался в Санкт-Петербурге вокруг кафедры литературы и детского чтения СПбГИК.

²³ Арьес Ф. Ребёнок и семейная жизнь при Старом порядке. Екатеринбург: Изд-во Уральского университета, 1999. 415 с.

²⁴ Кошелева О. Е. История детства: Филипп Арьес и Россия// Малолетние подданные большой империи: Филипп Арьес и история детства в России (XVIII – начало XX века). М., 2012. С. 9.

²⁵ Okenfuss M. J. The Discovery of Childhood in Russia: The Evidence of the Slavic Primer. Newtonville, Mass., 1980. 94 p.

²⁶ Okenfuss M. J. Education and Empire: School Reform in Enlightened Russia. Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. Neue Folge. Bd. 27, H. 1. Stuttgart, 1979. P. 41-68.

²⁷ Kelly C. Children's World: Growing Up in Russia, 1890-1991. New Haven: Yale University Press, 2007. 714 p.

²⁸ Kelly C. Comrade Pavlik: The Rise and Fall of a Soviet Boy Hero. London, 2005. 354 p.

Кафедрой начиная с 2012 г. издаётся альманах «Детские чтения»²⁹, посвященный различным подходам в исследовании детской литературы. Кроме этого, на счету кафедры издание сборника «Конструируя детское: филология, история, антропология»³⁰, в который вошли материалы конференции «Трансформирующееся детство: дискурсы и практики» (сентябрь 2011).

Ещё один центр детских исследований возник на базе лаборатории «Антропология детства» Ставропольского государственного педагогического института. Лаборатория занимается изданием источников по региональной истории детства, делая упор на материалы XIX-XX вв.³¹

Наконец, самый крупный центр истории детства в России – международный семинар «Культура детства: нормы, ценности, практики», работающий под руководством В. Г. Безрогова при кафедре истории и теории культуры РГГУ. На данный момент опубликовано больше десятка трудов, в авторах которых числятся как отечественные, так и зарубежные исследователи³². Более того, в 2009 г. семинаром был издан первый в отечественной историографии библиографический указатель работ по истории детства, который и по сей день остаётся единственным в России справочным материалом по подобной литературе³³.

По содержанию этого указателя видно, что подавляющее большинство работ по российской истории детства затрагивают лишь новое и новейшее время, а именно XVIII-XX вв. Лишь немногие исследования хотя бы частично касаются детства в Древней Руси и Московии, что объясняется беднейшим набором источников, рассказывающих о детях в указанные эпохи. Среди исследователей, затрагивающих тему детства в условиях русского средневековья, следует выделить В. В. Долгова, на счету которого такие публикации как «Детство в контексте Древнерусской культуры XIX вв.»³⁴ и «Рождение и ранний период жизни ребёнка в Древней Руси XI-XIII вв.»³⁵. В. В. Долгов, наряду с упомянутым выше Б. А. Романовым, является чуть ли не единственным историком, взявшимся за изучение древнерусского детства.

²⁹ Ромашова М. В. Дети и феномен детства в отечественной истории: новейшие исследования, дискуссионные площадки, события // Вестник Пермского университета. Вып. 2 (22). Пермь, 2013. С. 111.

³⁰ Конструируя детское. Филология. История. Антропология. М.; СПб., 2011. 550 с.

³¹ Ромашова М. В. Дети и феномен детства в отечественной истории: новейшие исследования, дискуссионные площадки, события // Вестник Пермского университета. Вып. 2 (22). Пермь, 2013. С. 112.

³² Там же. С. 109.

³³ Библиографический указатель работ по истории детства (из фонда Научной библиотеки РГГУ) / Сост. Безрогов В. Г., Шенягина О. Л. М., 2009. 53 с.

³⁴ Долгов В. В. Детство в контексте Древнерусской культуры XI-XIII вв. // Этнографическое обозрение. Вып. 5. М., 2006. С. 72-85.

³⁵ Долгов В. В. Рождение и ранний период жизни ребёнка в Древней Руси XI—XIII вв. // Вестник Удмуртского университета. История. Вып. 7. Ижевск, 2007. С. 67-86.

Даже монография московской исследовательницы О. Е. Кошелевой «"Своё детство" в Древней Руси и России эпохи просвещения (XVI-XVIII вв.)», как видно по названию, затрагивает скорее не Древнюю Русь, а уже Московское царство, которому при этом в самой книге уделено не более десяти страниц³⁶.

Крайне немногочисленную когорту исследователей древнерусского детства может пополнить разве что Н. Л. Пушкарёва, которая в своих трудах «Женщины Древней Руси»³⁷ и «Частная жизнь женщины Древней Руси и Московии»³⁸ также касается истории детства и воспитания. Работая в рамках гендерной истории, Н. Л. Пушкарёва уделяет особое внимание взрослению девочек и материнству.

В своих исследованиях Б. А. Романов, В. В. Долгов и Н. Л. Пушкарёва комбинируют разные типы источников. Если у Б. А. Романова это летописи и духовные наставления³⁹, то В. В. Долгов добавляет к ним памятники древнерусской литературы и данные этнографии⁴⁰. Н. Л. Пушкарёва же идёт ещё дальше, используя берестяные грамоты, изобразительные источники и правовые акты Древней Руси.⁴¹ Тем не менее, никто из названных исследователей не прибегает к использованию вещественных источников, что, конечно, невыгодным образом отличает их от того же Ф. Арьеса⁴².

Справедливости ради, стоит сказать, что в отечественной историографии рассматриваются подобного рода источники, например, в статье московского археолога А. С. Хорошева «Детские игрушки в Новгороде»⁴³ или статье О. В. Кузьминой «Детский костюм русского средневекового города»⁴⁴. Упоминания в этом контексте заслуживает также проведённая Музеем Московского Кремля реставрация одежды и реконструкция облика ребёнка Древней Руси⁴⁵. Однако нигде материал,

³⁶ Кошелева О. Е. "Своё детство" в Древней Руси и России эпохи просвещения (XVI-XVIII вв.). М., 2000. С. 7-17.

³⁷ Пушкарёва Н. Л. Женщины Древней Руси. М.: «Мысль», 1989. 286 с.

³⁸ Пушкарёва Н. Л. Частная жизнь женщины в Древней Руси и Московии. М.: «Ломоносовъ», 2012. 210 с.

³⁹ Романов. Б. А. Люди и нравы Древней Руси. М., 1966. С. 182-213.

⁴⁰ Долгов В. В. Быт и нравы Древней Руси. Миры повседневности XI—XIII в. М., 2007. С. 44-65.

⁴¹ Пушкарёва Н. Л. Частная жизнь женщины в Древней Руси и Московии. М., 2012. С. 71, 159-167.

⁴² Арьес Ф. Ребёнок и семейная жизнь при Старом порядке. Екатеринбург, 1999. С. 44-56.

⁴³ Хорошев А. С. Детские игрушки из Новгорода (классификационный обзор археологических находок) // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Вып. 12. Новгород, 1998. С. 82-94.

⁴⁴ Кузьмина О. В. Детский костюм русского средневекового города // Археология и история Пскова и Псковской земли. М.; Псков, 2011. С. 110-116.

⁴⁵ Уникальная реставрация одежды и первая реконструкция облика ребенка Древней Руси [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.kreml.ru/research/research-and-projects.istoricheskij-nekropol-vozesenskogo-monastyrya/2006/>, свободный. Загл. с экрана. Яз. рус. (02. 04. 2017).

полученный путём анализа вещественных источников, не связывается с материалом из источников текстовых, что, на наш взгляд, является необходимым для полноты исследования феномена восприятия детства в Древней Руси.

Стоит сказать также, что полноценный опыт работы с вещественными источниками у российских историков детства, конечно же, есть. Значимой работой в этой области является монография А. А. Сальниковой «История елочной игрушки, или как наряжали советскую елку»⁴⁶, выходящая, однако, за хронологические рамки нашей темы – феномена восприятия детства в допетровской Руси.

Эта тема выбрана нами по двум причинам. В её пользу, прежде всего, говорит, необычайно малая изученность. Как было сказано выше, если в целом по истории детства в России написан приличный корпус работ, то об истории именно допетровского детства сказано очень и очень немного. Кроме этого, обозначенная тема в целом чрезвычайно важна для понимания эволюции русского детства в принципе, поскольку именно в Допетровской Руси, закладывались глубинные основы русской культуры, в том числе культуры понимания детства.

Выяснить, какая именно культура понимания детства сложилась в Допетровской Руси, и есть цель нашей работы, в ходе которой нам предстоит:

- 1) Ознакомиться с основной литературой, затрагивающей тему детства в указанной историко-географической координате;
- 2) Проанализировать источники, отражающие феномен восприятия детства в Допетровской Руси;
- 3) Узнать, каковы были возрастные и психологические рамки понятия детства в рассматриваемый период;
- 3) Выделить категории, которыми древнерусский ребёнок определялся как «не взрослый». Выяснить, что в представлении древнерусского человека означало быть ребёнком;
- 4) Воссоздать образы идеального и стереотипного ребёнка, характерные для картины мира древнерусского человека. Сравнить эти образы;
- 5) Определить, изменялась ли культура восприятия детства или же она была статично на протяжении всего существования Допетровской Руси.

Глава 1 Детство как первый период жизни древнерусского человека

1.1 Детство как культурно-исторический феномен

Кто такой ребёнок? Кого сегодня мы называем ребёнком и кого называли так в древности?

⁴⁶ Сальникова А. А. История елочной игрушки, или как наряжали советскую елку. М.: Новое литературное обозрение, 2011. 234 с.

Словарь Даля определяет ребёнка как «младенца, отрока или отроковицу, до юношества».⁴⁷ Стало быть, ребёнок есть человек, который прибывает в некотором состоянии, предшествующем юности. То есть в детстве. Из чего вытекает аналогичный вопрос: что есть детство?

Если вдуматься, детство – понятие многогранное и сложное. Не лишённое определённой возрастной коннотации, оно включает в себя в том числе особое состояние психики. Трудно не согласиться с тем, что современный ребёнок реагирует на происходящее не так, как зрелый состоявшийся человек.

Кроме этого, безусловно, на протяжении многих веков детство предполагало и некий особый социальный статус: наделяло индивида отличным от взрослого человека кругом обязанностей и прав⁴⁸.

Таким образом, детство, в современном понимании этого слова, включает в себя три аспекта: психический, социально-правовой и возрастной.

Распадаясь, эта цепочка даёт совершенное иное состояние, отличное от детского. Например, взрослый и психически развитый человек, ограниченный в своей дееспособности (как и современный ребёнок), вряд ли может быть назван дитём. В контексте российской новейшей истории ему, скорее, подойдёт термин лишенца.

В то же время и психически нездоровый, чересчур инфантильный взрослый, пусть даже с ограниченной дееспособностью, также не может быть назван ребёнком. Про такого могут сказать «ведёт себя как ребёнок», назвать его большим ребёнком, но это всё равно будет не тот термин.

И лишь возрастной аспект, лишённый двух других, в некоторой, пусть и неполной, мере позволяет назвать человека ребёнком. Так, глядя на шестнадцатилетних мальчишек (предположим, финансово независимых, эмансипированных, с вполне сложившимся мировоззрением), занятых тяжёлым физическим трудом, сердобольный человек скажет: «Господи, они же дети!».

Такая неоднородность современного детства, неравнозначность его аспектов для историка-медиевиста создаёт особую сложность. Ведь, как показал Ф. Арьес, в западной Европе ещё в XVI-XVII вв. ребёнком могли назвать человека и четырнадцати лет, и двадцати четырёх⁴⁹. Феномен, который сегодня кажется просто немыслимым. Увидев двадцатичетырёхлетнего молодого человека, идущего впереди нас, мы уж точно не скажем «Этот ребёнок идёт к метро» или «Этот ребёнок одет во всё красное».

Таким образом, сам смысл слова «ребёнок», его семантический компонент со временем изменился. Как минимум, возрастной аспект детства ещё даже в эпоху нового времени, более близкого к нам, чем средневековье,

⁴⁷ Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. СПб; М., 1903-1909. Т. 4. С. 88.

⁴⁸ Обухова Л. Ф. Детская психология: теории, факты, проблемы. М., 1995. С. 15.

⁴⁹ Арьес Ф. Ребёнок и семейная жизнь при Старом порядке. Екатеринбург, 1999. С. 37.

не был таким же, как в наши дни. Иными словами, сегодня слово «дитя» или «ребёнок» (равно как и слово «детство») не то же самое, что в эпоху Ивана Грозного, и уж тем более не то же самое, что в более раннее время.

Более того, по данным этнографов в некоторых культурах, отличных от западной, не только взрослые не осознают маленького человека ребёнком, но и сам ребёнок не осознаёт себя таковым. Наблюдая за аборигенами племени пинтуби, австралийский этнограф Д. Локвуд обратил внимание на то, что маленькая девочка, ещё «не умеющая как следует ходить», делала то же самое, что делали взрослые: устраивала себе костёр и даже не думала плакать от холода. Так вели себя и другие «дети» возле неё⁵⁰. Таким образом, самого понятия ребёнок, равно как и института детства в среде этого племени просто не было. Даже возрастной аспект не выделял людей в какую-либо особую группу. Семилетний в глазах пинтуби отличался от тридцатилетнего разве что степенью биологической зрелости. Но ничем более.

Вывод, который можно сделать из всего этого: детство – социальный конструкт, который не просто изменялся на протяжении человеческой истории, но ещё и не сразу возник в ходе её. Однако если главный аспект этого конструкта всё-таки возрастной и именно за ним тянутся остальные аспекты, то логичным будет рассмотреть отношение средневекового христианства к возрасту.

1.2 Периодизация детства в древнерусской традиции

Принятие христианской религии для того или иного этноса означает в том числе принятие нового хронотопа, а для многих этносов – вообще возникновение понятия времени. Языческие народы, ранее считавшие жизнь цикличной (обозначая эту цикличность индоевропейским символом «уроборос»), принимая христианскую веру, принимали вместе с ней, пусть и постепенно, эсхатологическое мировоззрение, для которого понятие времени является ключевым⁵¹.

Разумеется, не сразу такие категории как дата и время стали для рядового христианина, мирянина чем-то действительно значимым. По наблюдению Ф. Арьеса, в Европе только начиная с XVI в., начинают постоянно записывать в документах возраст человека⁵². Можно предположить, что до этого многие люди точно не знали ни свой возраст, ни дату своего рождения.

Говоря о временных представлениях Древней Руси, нужно учитывать, что люди из рядового населения (говоря языком А. Я. Гуревича, безмолвствующего большинства) имели о такой категории как время

⁵⁰ Обухова Л. Ф. Детская психология. М., Тривола, 1995. С. 21.

⁵¹ Замечания на эту тему: Буркин С. Ю. Эсхатологическое мышление как источник формирования современного понимания исторического времени // Вестн. Том. гос. ун-та. № 378. Томск, 2014. С. 108-111.

⁵² Арьес Ф. Ребёнок и семейная жизнь при Старом порядке. Екатеринбург, 1999. С. 27.

представление намного более смутное, нежели монах-летописец, сидящей в келье и скрупулёзно высчитывающий лета.

Самому вопросу о возрастной периодизации средневековья уделено должное внимание ещё в монографии «Ребёнок и семейная жизнь при Старом порядке». Так, Ф. Арьесом было выяснено, что, например, «Большое собрание всякого рода вещей» (источник, правда, уже XVII в.) выделяет 7 возрастов человека (по количеству планет). Первый возраст от нуля до семи лет в этой периодизации как раз и назван детством⁵³. В свою очередь, более ранний источник – сочинение Филиппа Наваррского, написанное в XIII в. – выделяет всего 4 этапа человеческой жизни по 20 лет каждый. Такое деление мало апеллирует к реальным психологическим и биологическим изменениям в человеке: оно, скорее, отражает стремление упорядочить человеческую жизнь, разбить её на равные по длине части⁵⁴.

Российские исследователи, вслед за Ф. Арьесом, также обратили внимание на средневековую периодизацию жизни. Так, В. В. Долговым было выяснено, что популярный в Древней Руси апокриф «Сказание какво сотвори Бог Адама» выделял семь периодов человеческой жизни по десять лет каждый. Таким образом, детство, согласно апокрифу протекало от 0 до 10 лет⁵⁵.

Особое внимание следует уделить опубликованной относительно недавно статье «Представления о возрастной периодизации детства в средневековой Руси»⁵⁶. Авторы этой статьи, проанализировав все основные исследования, касающиеся истории древнерусского детства, указывают следующие его периоды.

От рождения до 6-7 лет – первый период: именно в это время человека называют дитя или ребёнок и не занимаются его обучением. Важная особенность этого периода – отсутствие половой дифференциации – подтверждается А. Олеарием, который писал, что детей младше 10 лет стригут одинаково и внешне сложно отличить мальчиков от девочек⁵⁷.

Второй период протекает с 7 до 12 лет. Человека этого возраста уже не называют «ребёнок», он именуется либо «недоросль», либо «ярица», у него появляются определённые обязанности и, что особенно важно, с этого времени он начинает ходить на исповедь и причащаться святых тайн.

Наконец, третий период – отрочество, длящийся с 12 до 15 лет. Отрок или отрочица – это человек, способный выполнять работу взрослого, но по

⁵³ Арьес Ф. Ребёнок и семейная жизнь при Старом порядке. Екатеринбург, 1999. С. 32.

⁵⁴ Там же. С. 34.

⁵⁵ Долгов В. В. Рождение и ранний период жизни ребёнка в Древней Руси XI—XIII вв. // Вестник Удмуртского университета. История. Вып. 7. Ижевск, 2007. С. 71.

⁵⁶ Филиппова Г. Г., Василенко Е. В. Представления о возрастной периодизации детства в средневековой Руси // Знание. Понимание. Умение. № 3. М., 2014. С. 277-286.

⁵⁷ Олеарий А. Описание путешествия в Московию. Смоленск., 2003. С. 36.

причине своего малолетства не имеющий ещё права голоса⁵⁸. Отрочество, а с ним и детство, как правило, оканчивалось вступлением в брак и заведением собственного хозяйства. Примечательно, что церковь в каком-то смысле поощряла ранние браки, считая их хорошим средством против греховного блуда⁵⁹. При этом возраст, с которого можно заключать брак, по мнению церкви, для мальчика и для девочки был разным. Если мальчик, по мнению митрополита Фотия, жившего в XV в., считался готовым к супружеской жизни с 15-ти лет, то девочку разрешено было выдавать замуж с 12-ти⁶⁰.

Из этого следует, что для девочки такой период как отрочество и вовсе мог опускаться. Такое, более раннее по сравнению с мальчиками, взросление девочки отражается и в материальной культуре: при всём многообразии игрушек для мальчиков⁶¹, игрушки для девочек составляли в основе своей предметы кухонной утвари, с малых лет готовящих девочек к ведению хозяйства и домашнему труду⁶².

Большой плюс описанной выше периодизации в том, что она опирается не только на отвлечённые от реальности духовные сочинения, но и на бытовую практику. Каждый период отделён от другого важным для повседневной жизни событием. Так, именно в семь лет, впрочем как и в современной России, ребёнка отдавали на обучение (причём, судя по найденной берестяной грамоте, ещё в XIV в. во всяком случае для новгородцев обучение детей грамоте было делом вполне обыденным⁶³). В это же время девочка начинала помогать по дому⁶⁴, а мальчик – учиться мастерству у отца.

Однако этот рубеж – семь лет – делящий период детства на две примерно равные части есть следствие не просто житейского опыта, он – порождение христианской традиции. Ведь именно по христианским воззрениям, общим для ортодоксов и для католиков, человек становился полноценным, когда полностью овладевал речью, то есть примерно к семи годам. Кроме этого, церковь считала сакральным семилетний барьер –

⁵⁸ Филиппова Г. Г., Василенко Е. В. Представления о возрастной периодизации детства в средневековой Руси // Знание. Понимание. Умение. № 3. М., 2014. С. 279-181.

⁵⁹ Романов Б. А. Люди и нравы Древней Руси. Л., 1966. С. 188-189.

⁶⁰ Долгов В. В. Рождение и ранний период жизни ребёнка в Древней Руси XI-XIII вв. // Вестник Удмуртского университета. История. Вып. 7. Ижевск, 2007. С. 84-85.

⁶¹ Описание игрушек и классификация игрушек есть в статье: Хорошев А. С. Детские игрушки из Новгорода (классификационный обзор археологических находок) // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Вып. 12. Новгород, 1998. С. 82-94.

⁶² Долгов В. В. Быт и нравы Древней Руси. Миры повседневности XI-XIII вв. – М., 2007. С. 61.

⁶³ Древнерусские берестяные грамоты. Грамота 687 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://gramoty.ru/index.php?act=full&id=703>, свободный. Загл. с экрана. Яз. рус. (02. 04. 2017).

⁶⁴ Н. Л. Пушкарёва указывает, что девочку готовили к ведению домашнего хозяйства, как правило, с четырёх лет, однако же полноценная подготовка начиналась именно с семи. (Пушкарёва Н. Л. Частная жизнь женщины в Древней Руси и Московии. М. 2012. С. 34.)

рубежом, переступив который, человек обретает способности отличать доброе от злого.⁶⁵ Возраст семи лет как особый рубеж взросления в Западной Европе выделяет также и английский историк Колин Хейвуд⁶⁶.

Стоит сказать, что языческая традиция восточных славян не знала семилетнего возраста как особого рубежа в жизни человека. Важным языческим событием в детстве мальчика был обряд посажения на коня, совершавшийся в 2-3 года. Причём этот обряд оставался на Руси и после принятия христианства, постепенно эволюционировав в православный по своему духу обряд пострига. Тем не менее, посажение на коня не разделяло детство на две какие-либо части: не считалось, что человек до обряда и после был каким-то принципиально иным⁶⁷.

Для девочек же аналогом посажения на коня был обряд вскакивания в поневу. Понева – архаичная версия юбки, надев которую, девушка объявляла себя готовой к замужеству⁶⁸. Такой обряд также вряд ли можно считать рубежом, разделяющим детство на две отличные друг от друга части, ибо, совершаемый уже в период отрочества, к 12-15 годам, он ознаменовывал собой конец детства, а не переход его на новую стадию.

Таким образом, христианство принесло в Древнюю Русь совершенно новое деление детства: на «до» и «после». С возникновением такого деления сам процесс взросления и восприятия взрослеющего ребёнка стал более плавным. Если в языческой традиции второй период в жизни человека (которому сопутствует и изменение восприятия его окружающими) наступал в 12-17 лет (о чём свидетельствуют былины⁶⁹), то христианство отсчитывало новый период значительно раньше.

Феномену взросления человека, изменениям в нём стало уделяться более пристальное внимание. Если для язычника не было большой разницы между трёхлетним и девятилетним, то христианин ощущал эту разницу довольно отчётливо. Стоит сказать, что западная цивилизация и дальше пойдёт по пути дробления человеческой жизни на разные хронологические этапы. Ведь сегодня мы делим детство уже не на две, а минимум на четыре части (младенчество, дошкольный возраст, возраст начальной школы и подростковый период). Начало такому дроблению дала именно христианская традиция, в конечном счете возобладавшая в педагогических воззрениях Европы и Древней Руси.

⁶⁵ Постман Н. Исчезновение детства // Отечественные записки. Вып. 3 (18). М., 2004. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.strana-oz.ru/2004/3/ischeznovenie-detstva>, свободный. Загл. с экрана. Яз. рус. (02.04.2017).

⁶⁶ Heywood C. A History of Childhood: Children and Childhood in the West from Medieval to Modern Times. Cambridge, 2001. P. 83, 103.

⁶⁷ Долгов В. В. Рождение и ранний период жизни ребёнка в Древней Руси XI-XIII вв. // Вестник Удмуртского университета. История. Вып. 7. Ижевск, 2007. С. 72.

⁶⁸ Там же. С. 73.

⁶⁹ Былины: Сборник. Л., 1986. С. 90, 285.

1.3 Столкновение христианского и языческого в детстве в Древней Руси

Человек начинал интересоваться христианскую церковь с самого своего рождения: главный обряд в жизни ребёнка – крещение – проводился именно в первые дни его жизни. Однако ещё в XII в. у русских людей не вошло в привычку крестить ребёнка сразу после рождения: об этом забывали, и священникам приходилось об этом напоминать⁷⁰.

Но что примечательно, после обряда крещения в первый – от нуля до семи – период своей жизни человек интересовался церковью намного меньше, чем в последующие периоды. Это подтверждается, в том числе, данными археологии. Так, в обширной новгородской коллекции средневековых игрушек сильно доминируют в количественном отношении маленькие мечи и боевые коники⁷¹. Эти игрушки, дающие ребёнку первичные представления о войне и явно противоречащие христианским принципам воспитания, тем не менее, сохранялись в Новгороде на протяжении всего средневековья, а в духовных трактатах не содержится ни одного возражения против них.

Более того, в коллекции игрушек встречаются многочисленные фигурки водоплавающих птиц, олицетворяющих в язычестве восточных славян счастье и благополучие⁷². О своём языческом характере говорят и антропоморфные куклы, которыми могли играть и мальчики, и девочки. У игрушек, особенно более раннего периода, отсутствуют какие-либо черты лица, что, по мнению новгородского археолога А. Н. Морозовой, символизирует их связь с языческим колдовством, в котором на судьбу человека можно влиять с помощью кукол⁷³. Кроме этого, верования язычества выказываются в различных амулетах и оберегах, сопровождающих облик древнерусского ребёнка. Так, например, в Новгороде найдено множество детских бус из вишнёвых косточек, символизирующих зарождающуюся жизнь и оберегающих дитя от злых чар⁷⁴.

Языческое, окружающее человека в первые годы жизни, выказывает себя и в фольклоре. Различные колыбельные и заговоры матери, изобилующие такими персонажами как домовый, чёрт, дрёма, леший, змей с первых лет жизни погружали ребёнка в мир аниматизма и языческих

⁷⁰ Романов Б. А. Люди и нравы Древней Руси. Л., 1966. С. 183.

⁷¹ Хорошев А. С. Детские игрушки из Новгорода (классификационный обзор археологических находок) // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Вып. 12. Новгород, 1998. С. 83-89.

⁷² Там же. С. 90.

⁷³ Морозова Н. А. Игрушки Древнего Новгорода // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Вып. 3. Новгород, 1990. С. 71.

⁷⁴ Кузьмина О. В. Детский костюм русского средневекового города // Археология и история Пскова и Псковской земли. М.; Псков, 2011. С. 114.

представлений⁷⁵. В пользу преобладания языческого в раннем детстве говорит и обряд, подмеченный В. В. Долговым в «Вопрошании кирика», в ходе которого матери ходили к волхвам, чтобы те защитили их детей от злых духов⁷⁶.

Связь младенческой сферы с языческой прослеживается и в XVIII в.: в своём Житие протопоп Аввакум с осуждением пишет о матери, что носила ребёнка к «шептуну-мужику», колдуну иными словами, чтобы тот помог исцелить дитя⁷⁷.

Пониженное внимание церкви к ребёнку, не достигшего семилетнего возраста, на наш взгляд можно объяснить не только догматическими причинами (малолетний не способен различать добро и зло, а, стало быть, не в состоянии усвоить учение Господа), но и причинами чисто практическими. В этот возрастной промежуток человек должен был доказать свою жизнеспособность, ведь по причине высокой смертности в средневековье многие дети попросту не доживали до заветного рубежа⁷⁸. Детская смертность была настолько высокой, что семья из пяти человек, то есть с тремя детьми, считалась благополучной и очень здоровой⁷⁹. В Домострое есть специальный отрывок, который в некотором смысле готовит человека к младенческой смерти, утешая и говоря, что «тем самым родители приносят Богу непорочную жертву», а погибшие дети «как вселятся в чертоги вечные, получают право просить милости и прощения грехов для своих родителей»⁸⁰. Даже в России XVIII в. уровень младенческой смертности держался на уровне 30%, что беспокоило в частности М. В. Ломоносова⁸¹. Очевидно, что священнослужителям не было смысла тратить время и силы на неразумного, и, возможно, в ближайшем будущем мёртвого малыша.

⁷⁵ Например: Антология педагогической мысли Древней Руси и Русского государства XIV-XVII вв. М., 1985. С. 34-38.

⁷⁶ Долгов В. В. Рождение и ранний период жизни ребёнка в Древней Руси XI-XIII вв. // Вестник Удмуртского университета. История. Вып. 7. Ижевск, 2007. С. 78.

⁷⁷ Житие протопопы Аввакума. Опыт перевода на современный русский язык / Под ред. Н. В. Поньрко. СПб, 2010. С. 51-52 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://spektorov.narod.ru/slav/avvakum.pdf>, свободный. Загл. с экрана. Яз. рус. (02. 04. 2017).

⁷⁸ Примерная статистика по смертности в средневековой Европе: Европейский мир X-XV вв. М., 1994. С. 20-22.

⁷⁹ Пушкарёва Н. Л. Частная жизнь женщины в Древней Руси и Московии. М., 2012. С. 75.

⁸⁰ БЛДР. СПб., 2000. Т. 10. С. 133.

⁸¹ Баранов А. А., Альбицкий В. Ю. Младенческая смертность: уроки истории и перспективы снижения // Казанский медицинский журнал. Казань, 2011. № 5. С. 690.

Глава 2 Отношения взрослого и ребёнка в древнерусской повседневности

2.1 Восприятие ребёнка через философскую категорию Другого

Исходя из социологической теории, детей, как, например, и женщин, можно рассматривать как угнетаемую социальную группу. В данном случае дети становятся элементом бинарной оппозиции «взрослый-ребёнок», в которой взрослые выступают как доминирующая группа, возвышающаяся над детьми. В действительности даже в подавляющем большинстве современных обществ дети находятся в приниженном положении: с их мнением редко считаются, их взгляд на мир менее ценен, чем взгляд взрослого, им дозволено реализовывать далеко не все права, даже их физическое местоположение зачастую целиком и полностью определяется взрослыми. Ребёнок уже может восприниматься – и как правило воспринимается – как объект любви, но почти никто из взрослых не разговаривает с ребёнком на равных, как с партнёром. Впервые дети как угнетаемая группа были осознаны эмансипационными педагогами и социологами 1960-х гг. С тех пор в гуманитарных исследованиях выделилось целое направление, изучающее детей как меньшинство и рассматривающее механизмы ущемления их интересов⁸².

В сознании взрослого ребёнок, как правило, вытесняется в философскую категорию Другого. Это понятие, сформулированное отцом современной феноменологии Эдвардом Гуссерлем в его «Картезианских размышлениях»⁸³, вот уже несколько десятилетий является ключевым для многих философских дискурсов. В общепризнанном значении Другой – это не Я, но в основных моментах схожий со Мной. Иными словами, Другой –

⁸² Кон И. С. Детство как социальный феномен // ЖИСП. М., 2004. № 2. С. 165-166.

⁸³ Гуссерль Э. Картезианские размышления. СПб., 2001. С. 190.

это человек, который также дышит, говорит, думает, но отличается от Меня по какому-то важному признаку/признакам.

Конечно, средневековые философы не знали понятие Другого (им было знакомо разве что понятие *alter ego*, означающее разные стороны Я, но не субъект, противопоставленный Я⁸⁴), однако бесспорно, что члены общества средневековья мыслили этой категорией, а восприятие людей через призму Другого определяло сознание намного сильнее, чем в наши дни.

Люди Средних веков и Нового времени выделяли в категорию Другого не только детей. Как Другие воспринимались и женщины, и люди с другим цветом кожи, и порой даже светлокожие иностранцы. К Другим относились старики, сумасшедшие и бездомные... Пример сопоставления последних с детьми (как доказательство того, что и дети, и бездомные – Другие) встречается в Домострое, где сказано: «к старшим быть послушными да покорными «...» к младшим и убогим — приветливыми и милостивыми»⁸⁵. О сопоставлении детей и иностранцев как Других пишет один из крупнейших теоретиков постмодерна – Жан Франсуа Лиотар. По его мнению, и ребёнок и иностранец попадают в категорию Другого, так как в полной мере не обладают «нарративным знанием» – например, знанием о культуре народа⁸⁶.

Красноречивый пример дихотомии «людей» и Других даёт в одном из описаний автор «Казанской истории», написанной в России в XVI в.: «Они же, придя Волгою, в ладьях, в Орду, нашли ее пустой, без людей: были в ней только женщины, старики и дети»⁸⁷.

В представлении рассматриваемого (в данном случае и доминирующего) субъекта Другой не так важен, следовательно не так важна его жизнь (чем объясняется пониженная ценность жизни Других – стариков и детей, характерная для средневековья⁸⁸), не так важны его история, действия и мысли. Так, например, слова обозначающие детей и подростков в Повести временных лет встречаются в десять раз реже, чем слова обозначающие взрослых⁸⁹. Даже в современной литературе и кинематографе героев-детей всё ещё значительно меньше, чем героев-взрослых. Равно как ещё несколько десятилетий назад героев-женщин было намного меньше, чем героев-мужчин.

⁸⁴ Киричек Ю. А. Дискурс «Другого»: от философских традиций к теории идентичности // Научный ежегодник ИФиП УрО РАН. Екатеринбург, 2013. №4. С. 43.

⁸⁵ БЛДР. СПб., 2000. Т. 10. С. 139.

⁸⁶ Белова А. В. «Мир женского детства» в дворянской России XVIII - середины XIX века как методологическая проблема истории повседневности // Женщина в российском обществе. Иваново, 2005. № 3-4. С. 30.

⁸⁷ БЛДР. СПб., 2000. Т. 10. С. 261, 263.

⁸⁸ Левашкина З. Н. Жестокое отношение к детям в варварский период в западной Европе // Вестник ТГПУ. Томск, 2012. № 3. С. 65-66.

⁸⁹ Гулик З. Н. Жестокое отношение к детям в эпоху Средневековья // Вестник ТГУ. Томск, 2011. № 350. С. 93.

Но что именно давало коллективному сознанию взрослых в Допетровской Руси повод для отнесения ребёнка к категории Другого? Какие факторы сильнее всего, по мнению, взрослых отличали детей от них?

Прежде всего, стоит сказать об упомянутом выше знании. Ребёнок – тот, кто не знает и в следствии этого слаб умом. Этот тезис находит подтверждение в эксплуатации образа ребёнка в различных текстах Допетровской Руси. «“Не будьте детьми умом”»⁹⁰ – цитирует первое послание коринфянам Глеб в Житие Бориса Глеба. В некотором смысле вторя ему, Князь Курбский во втором послании Ивану Грозному пишет: «...не только ученым и знающим мужам, но и простым и детям на удивление и на осмеяние»⁹¹. «Даже малым детям известно»⁹² – говорит он же в своём третьем послании князю Константину Острожскому. В данном случае дети характеризуются, прежде всего, как люди, обладающие меньшим знанием о мире. Точно такую же характеристику можно встретить и в послании самого Ивана: «не думай, что я слабоумен или неразумный младенец, как нагло утверждали ваши начальники, поп Сильвестр и Алексей Адашев»⁹³. «Чад моё милое!» – сокрушается купец Дмитрий из Повести о Басарге и сыне его Борзосмысле, – «молод еще ты, семи лет, и играешь по-детски, так что не поймешь отцовской печали!»⁹⁴ Среднестатистический ребёнок в представлении взрослого не знает не только фактов об окружающем мире (что есть знание за пределами своего Я), но не обладает также знанием и в чувственной сфере (знанием в пределах своего Я). Например, ребёнок не знает печали в той степени, в которой её познают взрослые.

Стоит сказать, что в Повести Бесерге и о сыне его Борзосмысле перед читателями предстаёт разумный ребёнок, в итоге, оказывающийся мудрее своего отца. Но такой ребёнок описывается именно как исключение, как пример, выходящий за рамки нормы, равно как древнерусские святые описывались тихими не в пример обычным, стереотипным детям (этот сюжет будет рассмотрен нами отдельно в следующей главе).

Настоятель Печерского монастыря, услышав, как двенадцатилетний Макарий (будущий святой Макарий Желтоводский и Унженский, опять же выступающий примером ребёнка, выходящего за рамки нормы) цитирует священное писание, удивляется и понимает, «что в отроче есть некая

⁹⁰ БЛДР. СПб., 1997. Т. 1. С. 341.

⁹¹ БЛДР. Т. 11. Второе послание Курбского Ивану Грозному [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://lib.pushkinskiydom.ru/Default.aspx?tabid=9111>, свободный. Загл. с экрана. Яз. рус. (02. 04. 2017).

⁹² БЛДР. Т. 11. Третье послание князю Константину Острожскому [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://lib.pushkinskiydom.ru/Default.aspx?tabid=9876>, свободный. Загл. с экрана. Яз. рус. (02. 04. 2017).

⁹³ БЛДР. Т. 11. Первое послание Ивана Грозного Курбскому [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://lib.pushkinskiydom.ru/Default.aspx?tabid=9106>, свободный. Загл. с экрана. Яз. рус. (02. 04. 2017).

⁹⁴ БЛДР. СПб., 1999. Т. 7. С. 475.

Божественная сила»⁹⁵. Агиограф будто отказывает двенадцатилетнему мальчику в возможности самому, без божественного вмешательства, запомнить цитаты из Библии, хотя в этом искусны были многие взрослые.

Во многих древних обществах состояние взрослости было достаточно сильно связано со способностью выдерживать критические ситуации⁹⁶. Природные катаклизмы, голод, война – прохождение через эти трудности помогало ребёнку быстрее обрести статус взрослого: в данном случае фактор опыта довлел над фактором хронологическим. Четырнадцатилетнего ребёнка вполне могли назвать взрослым, если он уже воевал. Отголоски подобного отношения к детям проявляются и в наши дни. О детях с ближнего востока, просто бежавших от военных действий и не обязательно в них участвовавших, с большой вероятностью могут сказать: «Война забрала их детство».

Подобное представление о ребёнке, как о человеке, не познавшем критических ситуаций и настоящих трудностей в жизни, не прошедшем, что называется, боевое крещение, иногда встречается в русских источниках. Так, например, Иван Грозный в послании А. Курбскому использует сравнение: «слово малые дети», говоря о том, как русские войска сбежали с поля боя под натиском литовцев⁹⁷. В сознании Ивана дети – это те, кто оказывается не готов к серьёзным испытаниям, так как до этого знал лишь беззаботную жизнь. Демонстрацией модели «ребёнок – тот, кто не прошёл боевого крещения» в некотором смысле является упомянутый выше обряд посадки на коня. Для ребёнка – мальчика, что важно – создаётся ситуация схожая с ситуацией реального боя, когда в войну надо оседлать коня и взять в руки оружие. Однако этот обряд, хотя и сильно укоренившийся в христианской Руси, несмотря на свои языческие корни, вряд ли можно рассматривать как процедуру реального перехода человека из мира детей в мир взрослых. Хотя бы потому что посадка на коня, как правило, происходила с человеком в двух- или трёхлетнем возрасте и его ещё долго после этого никто не воспринимал как настоящего взрослого.

В целом, примеры использования модели «ребёнок – тот, кто не прошёл боевое крещение» в русских источниках встречаются значительно реже, чем примеры использования модели «ребёнок – тот, кто не знает». В каком-то смысле можно даже сказать, что вторая модель является разновидностью первой. Ведь тот, кто не прошёл боевого крещения, если перефразировать есть тот, кто не знает – не обладает знанием о том, что такое настоящие трудности в жизни.

⁹⁵ БЛДР. Т. 13. Житие Макария Желтоводского и Унженского [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://lib.pushkinskiydom.ru/Default.aspx?tabid=10577>, свободный. Загл. с экрана. Яз. рус. (02. 04. 2017).

⁹⁶ Подвойский Д. Г., Наумова Н. П. Детство как социально конструируемый феномен // Вестник РУДН. Серия: Социология. М., 2014. № 2. С. 45.

⁹⁷ БЛДР. Т. 11. Первое послание Ивана Грозного Курбскому [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://lib.pushkinskiydom.ru/Default.aspx?tabid=9106>, свободный. Загл. с экрана. Яз. рус. (02. 04. 2017).

Рассмотрение перцепционной модели «ребёнок – тот, кто не прошёл боевого крещения» наталкивает нас на ещё одно важное замечание. Аналог посажения на коня для девочек – вскакивание в поневу, также описанное выше, вовсе не соответствует запросом этой модели. Для девочки вообще не существовало такого обряда, в котором она сталкивалась бы со стрессовой ситуацией или её имитацией. Если вдуматься и в жизни девочка/женщина имела куда меньше шансов, ещё лучше сказать возможностей, столкнуться с «настоящими» жизненными трудностями, чем мальчик/мужчина. На войну уходили мужчины, «важные» бытовые проблемы решали тоже мужчины. Мужчины сталкивались со стихией, уходя в далёкие плавания, вступали в схватку со зверем, уходя на охоту. Женщина, как правило, была лишена этого. А значит, исходя из модели «ребёнок – тот, кто не прошёл боевого крещения» была лишена и шансов по-настоящему повзрослеть, иными словами полностью перейти в категорию людей (с которой очень часто на уровне языка отождествляли категорию взрослых).

Интересное наблюдение, относящееся к гендерному вопросу, сделала А. В. Белова, по её мнению, вполне возможно, что девочки, находясь в двух угнетаемых группах (женщины и дети), оказывались вдвойне угнетаемы⁹⁸. С точки зрения официальной идеологии положение девочки в каком-то смысле было более выгодным, чем положение мальчика. Тот же Домострой призывает «сокрушать рёбра» и «учащать раны»⁹⁹ только ребёнку мужского пола. Главная же задача отца по отношению к девочке сводилась к сохранению её благочестия до свадьбы¹⁰⁰, что само по себе выглядит куда менее жестоким. Однако на практике встречается множество примеров более бережного и учтвого отношения к мальчикам, чем к девочкам. В пользу этого говорит и описанный выше количественный перевес игрушек для мальчиков, и тот факт, что детство мальчиков длилось дольше, и свидетельства из других стран, в которых убийство младенцев-девочек встречалось намного чаще, чем убийство младенцев-мальчиков (об этом речь пойдёт ниже).

Один иностранец, приезжавший в Россию в конце XVII в., в своём дневнике сделал любопытную запись о некоем капитане, «осужденном на смерть за недозволенную связь со своей восьмилетней дочерью»¹⁰¹. В противовес этому мы не располагаем источниками, которые позволяли бы предполагать, что отец мог бы сделать подобное со своим сыном. Впрочем, тот факт, что за изнасилование своей дочери «капитан» был осуждён на

⁹⁸ Белова А. В. «Мир женского детства» в дворянской России XVIII - середины XIX века как методологическая проблема истории повседневности // Женщина в российском обществе. Иваново, 2005. № 3-4. С. 28.

⁹⁹ БЛДР. СПб., 2000. Т. 10. С. 133.

¹⁰⁰ Там же.

¹⁰¹ Корб И. Г. Дневник путешествия в Московское государство, 1698 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.sedmitza.ru/lib/text/439160/>, свободный. Загл. с экрана. Яз. рус. (02. 04. 2017).

смертную казнь¹⁰² говорит о том, что такие поступки вызывали однозначное осуждение в русском обществе.

Возвращаясь к теме Другого и восприятия детей как Других, стоит выделить ещё одну перцепционную модель – по всей видимости, столько же значимую, как и модель «ребёнок – тот, кто не знает». Речь идёт об определении ребёнка как человека, который ещё не начал семейную жизнь. Именно замужеством/женитьбой заканчивается период детства в самом широком его понимании в представлении древнерусского человека. Институт брака считался не только точкой, к которой идёт всё детство, но и обязательным благом, чем-то неотъемлемым и закономерным. «Добрые люди с радостью и благодарностью женят сыновей», – пишет автор Домостроя, – «или своих дочерей за детей их выдадут замуж»¹⁰³.

2.2 Традиция любящего небрежения

Глядя на ребёнка сегодня, человек, как правило, испытывает умиление. Хотя, безусловно, встречаются и обратные случаи (чего только стоит Д. Хармс с его цитатами вроде: «Травить детей – это жестоко. Но что-нибудь ведь надо же с ними делать!»¹⁰⁴), в целом отношение взрослого к ребёнку остаётся снисходительно-трепетным. Тем не менее, исторический опыт показывает, что такие чувства по отношению к ребёнку как объекту являются приобретенными. «Вплоть до IV века до н. э. в Греции», – пишет американский культуролог Н. Постман, – «не существовало моральных или правовых запретов на детоубийство»¹⁰⁵. Сохранившиеся статистические данные показывают, что девочек в античности было значительно меньше, чем мальчиков¹⁰⁶. Ситуация неестественная для демографии легко объясняется таким явлением как убийство девочек, которые были не так полезны как мальчики для ведения хозяйства и не приносили много экономической пользы своим отцам.

В средневековье детоубийство также было намного менее табуированным, чем сегодня. Продолжалась традиция убийства законных девочек, массовым было убийство незаконного плода или уже родившихся незаконных детей¹⁰⁷. Если причина убийства незаконного плода в том, чтобы предупредить ревность и гнев супруга (вопреки идеалистическим

¹⁰² Там же.

¹⁰³ БЛДР. СПб., 2000. Т. 10. С. 133.

¹⁰⁴ Хармс Д. Горло бредит бритвою. Рига, 1991. С. 136.

¹⁰⁵ Постман Н. Исчезновение детства // Отечественные записки. Вып. 3 (18). М., 2004. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.strana-oz.ru/2004/3/ischeznovenie-detstva>, свободный. Загл. с экрана. Яз. рус. (02.04.2017).

¹⁰⁶ Де Моз Л. Психоистория. Ростов-на-Дону, 2000. С. 43.

¹⁰⁷ Там же. С. 43, 47-48.

представлениям о христианской культуре, такое явление как «выблядки» не было редкостью на Руси¹⁰⁸), то причина убийства законного ребёнка продиктована практическими соображениями и лежит за гранью чувственной сферы. Так называемый лишний рот большинству древнерусских семей было попросту не прокормить.

К такому положению обычного времени добавлялся периодически возникающий голод: одна только Новгородская республика за время своего существования (342 года) пережила 15 голодных лет¹⁰⁹. Таким образом, каждое поколение новгородцев знало, что такое голод, становилось его свидетелем, и, разумеется, жило в постоянном его ожидании. В таких условиях, дети, порой даже единственные, становились непосильным бременем, ношей, избавление от которой было насущной необходимостью для семьи.

Такое отношение к лишним ртам, нахлебникам, сохранявшееся в русской деревне ещё в начале XX в., ясно отражено в романе А. П. Платонова «Чевенгур». Один из героев романа Прошка, старший ребёнок в семье, возмущается: «...нахлебники как из пропасти рожаются, а ты ходи и побирайся на них!»¹¹⁰

Пожелание смерти таким «лишним» детям, которых Прошка зовёт нахлебниками, присутствует в пяти процентах русских колыбельных¹¹¹, а о достаточно равнодушном отношении древнерусского общества к детоубийству говорит тот факт, что юридическое наказание за этот кощунственный с точки зрения современного человека поступок появляется лишь в Соборном уложении 1649 г.¹¹²

Стоит сказать, что вынужденное детоубийство, продиктованное экономическими причинами, было характерно и для других средневековых стран, в особенности, с суровым климатом. В языческой Исландии для таких детей даже было специально слово *gravgangsmenn*, что в переводе значит «люди, обреченные на могилу»¹¹³.

Единственной альтернативой для родителей, которые хотели избавиться от нахлебника, оставалась продажа ребёнка заезжему гостю – явление, характерное, впрочем, не только для Древней Руси, но для

¹⁰⁸ Пушкарёва Н. Л. Частная жизнь женщины в Древней Руси и Московии. М., 2012. С. 133.

¹⁰⁹ Костомаров Н. И. Русская республика. М., 2008. С. 403-405.

¹¹⁰ Платонов А. П. Чевенгур. Тула, 1989. С. 39.

¹¹¹ Пушкарёва Н. Л. Частная жизнь женщины в Древней Руси и Московии. М., 2012. С. 72.

¹¹² Потепалов Д. В. Виктимологические проблемы детства в Древней Руси и допетровской России (X-XVII вв.) // Педагогическое образование в России. Екатеринбург, 2007. № 1. С. 113.

¹¹³ Левашкина З. Н. Жестокое отношение к детям в варварский период в западной Европе // Вестник ТГПУ. Томск, 2012. № 3. С.65.

средневековой Европы. Так, например, в Швабском зеркале сообщается, что отец в случае особой необходимости имеет право продать своего ребёнка¹¹⁴.

Такая абсолютная власть родителя над ребёнком, когда последний является настоящим имуществом взрослого, сохраняется по всей видимости и в России XVI-XVII в. Судебник Ивана IV допускает продажу родителями детей в холопство, а Соборное уложение – отправку детей на работу на урочные годы¹¹⁵. Над продажей детей иронизирует автор одной из мирских притч из цикла о злых жёнах: «У некоего человека умерла злая жена. Он же через некоторое время начал продавать ее детей. И люди ругали его, а он сказал: «Боюсь, что если они уродились в свою мать, то, когда вырастут, меня продадут»¹¹⁶. Подобного рода насмешка ещё раз говорит о том, что феномен продажи детей для Допетровской Руси был весьма характерен.

Немец Иоганн Корб, посетивший России в 1698 г., говорит о некоем законе, по которому отец имеет право продавать сына четырежды, но если все четыре раза сыну удавалось избавиться от холопства, то отец терял власть над ним.¹¹⁷ Вне зависимости от того, существовал ли такой закон в действительности, сам факт того, что отношения отцов и детей в России заставляют стороннего наблюдателя сделать такого рода записи, говорит о много.

Явлением схожего, на наш взгляд, порядка представляется, и традиция передавать ребёнка на воспитание другим людям. Оспаривая Л. Де Моза, который считал подобную традицию признаком родительского небрежения, В. В. Долгов высказывает мнение о том, что временная передача детей чужим людям – всего лишь средство укрепления социальных связей и очередное подтверждение того, что воспитания было делом всей общины¹¹⁸.

По нашему мнению, тезис В. В. Долгова в целом не противоречит теории Л. Де Моза: желание укрепить за счёт ребёнка свои социальные связи вполне вяжется с восприятием ребёнка далеко не только как объекта любви. Это в некотором роде экономическое отношение к ребёнку: рассмотрение его с точки зрения убытков и прибыли – явление, порождённое не только сложными жизненными условиями, но и менталитетом язычества.

Когда Сенека говорит: «...мы топим детей, которые при рождении оказываются слабыми и ненормальными... это не гнев, а разум, отделяющий

¹¹⁴ Гулик З. Н. Жестокое отношение к детям в эпоху Средневековья // Вестник ТГУ. Томск, 2011. № 350. С. 93.

¹¹⁵ Там же. С. 93-94.

¹¹⁶ БЛДР. СПб., 1999. Т. 7. С. 485.

¹¹⁷ Корб И. Г. Дневник путешествия в Московское государство, 1698 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.sedmitza.ru/lib/text/439160/>, свободный. Загл. с экрана. Яз. рус. (02. 04. 2017).

¹¹⁸ Долгов В. В. Рождение и ранний период жизни ребёнка в Древней Руси XI-XIII вв. // Вестник Удмуртского университета. История. Вып. 7. Ижевск, 2007. С. 79.

больное от здорового»¹¹⁹, – он, как подобает истинному язычнику, не думает о том, что ребёнок может представлять какую-то ещё ценность, кроме практической (выступать как будущий земледелец, военный или философ). Точно также, с точки зрения выгоды, ребёнок воспринимался и в средневековой Европе: простолюдинами – как ещё один работник¹²⁰, знатными людьми – как продолжатель знатного имени и средство сохранения рода.

Важно, что сама категория выгоды была хорошо знакома европейцам ещё до того, как они приняли христианство. Причём, представление о выгодном и невыгодном вторгалось не только в область детского, оно затрагивало и область сакрального – куда более важную для человека того времени. Так, например, викинги могли легко принимать крещение, когда оно сулило им политические дивиденды или торговые привилегии. При этом они также легко отказывались от новой веры, если им требовалось заработать авторитет соплеменников или каким-то образом показать неприятие христиан¹²¹.

Надо понимать, что любовь, предполагающая исключительно чувственное восприятие объекта, не знает никаких расчётов и желания извлечь выгоду. Доминирование такого любовно-чувственного подхода в восприятии родителями своего ребёнка не было характерно ни для Руси, ни для любой другой культурной среды того времени. Так, по наблюдениям Н. Л. Пушкарёвой, слово «материнство» встречается в древнерусских источниках уже в XI в., однако оно не отражает какого-то сильного чувства матери к своему чаду¹²².

Во многом именно экономическим, а не чувственным оставалось взаимодействие ребёнка с матерью и после взросления. Во всяком случае, ни одна из найденных берестяных грамот не содержит каких-либо проявлений родительской или сыновей любви, зато почти в каждой находятся те или иные хозяйственные распоряжения. Так, Марина, пишущая своему сыну Григорию, просит его купить ей «хорошую зендянь»¹²³, а Стойнега, пишущий матери, не говорит ни о чём, кроме вещей, которые он передал некому Савве¹²⁴. Почти полное отсутствие внимания к чувственной сфере ребёнка в трудах знаменитого русского педагога конца XVII-нач. XVIII вв. Кариона

¹¹⁹ Цит. по: Де Моз Л. Психоистория. Ростов-на-Дону, 2000. С. 45.

¹²⁰ Гуревич А. Я. Средневековый мир: культура безмолвствующего большинства. М., 1990. С. 327.

¹²¹ Лисин Д. С. Вопрос религии во взаимоотношениях викингов и ирландцев в конце VIII - начале XI в. // Вестник Удмуртского университета. 2015. № 4-1. С. 130-131.

¹²² Пушкарёва Н. Л. Частная жизнь женщины в Древней Руси и Московии. М., 2012. С. 75.

¹²³ Древнерусские берестяные грамоты. Грамота 125 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://gramoty.ru/index.php?act=full&id=127>, свободный. Загл. с экрана. Яз. рус. (02. 04 2017).

¹²⁴ Древнерусские берестяные грамоты. Грамота 384 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://gramoty.ru/index.php?act=full&id=393>, свободный. Загл. с экрана. Яз. рус. (02. 04. 2017).

Истомина отмечает американский историк Макс Окенфус (признавая при этом Истомина прогрессивным во всём остальном)¹²⁵.

Изменение в обозначенной сфере – качественный переход взрослых к доминирующему чувственному восприятию – окончательно произошло только в середине XX в., когда люди в развитых странах навсегда перестали воспринимать ребёнка как объект, несущий убытки и выгоду, и освоили помогающий стиль воспитания¹²⁶. Однако фундамент этого изменения, в том числе и в России, был заложен именно в средневековье и именно христианской верой.

Ещё прото-христианские философы, жившие во времена поздней античности, негативно отзывались о практиках детоубийства и оставления детей на верную смерть¹²⁷.

Православная церковь, учащая мирян человеколюбию, осуждала детоубийство и даже убийство плода ещё задолго до введения юридического наказания за первый из этих поступков¹²⁸. Осуждалась также и излишняя распутность, проявляемая по отношению к ребёнку или в его присутствии. Подобный случай – сексуальное заигрывание с ребёнком, а точнее с малолетним Людовиком XIII, описан Ф. Арьесом и, надо полагать, являлся типичным для своего времени. Так, не достигший ещё годовалого возраста дофин, смеялся «в полную силу лёгких» от того, что «нянька двумя пальцами возбуждала ему петушок»¹²⁹. Подобная неизолированность детей от интимной сферы, по наблюдениям исследователей, встречается во многих обществах прошлого¹³⁰. Отсутствие табуированности сексуальной сферы в Европе, по мнению Н. Постамана, было наследием варварского язычества. Римской культуре, предшествовавшей германо-галльскому средневековью, было знакомо чувство стыда, которое как раз и позволяло римлянам выделять детство в особую психологическую категорию. Ребёнок для них был, прежде всего, носителем невинности. Однако после упадка римской культуры и наступления средневековья такое понимание ребёнка было утеряно¹³¹. Тем не

¹²⁵ Okenfuss M. J. The Discovery of Childhood in Russia: The Evidence of the Slavic Primer. Newtonville, Mass., 1980. P. 35.

¹²⁶ Де Моз Л. Психоистория. Ростов-на-Дону, 2000. С. 86.

¹²⁷ Левашкина З. Н. Жестокое отношение к детям в варварский период в западной Европе // Вестник ТГПУ. Томск, 2012. № 3. С. 67.

¹²⁸ Романов. Б. А. Люди и нравы Древней Руси. Л., 1966. С. 185.

¹²⁹ Арьес Ф. Ребёнок и семейная жизнь при Старом порядке. Екатеринбург, 1999. С. 109-111.

¹³⁰ Рассадина С. А. Табуированное удовольствие: концепты «Грех» и «Стыд» в контексте исторической антропологии детства // Вестник СПбГУ. Серия 6. Политология. Международные отношения. СПб., 2008. № 4. С. 218.

¹³¹ Постман Н. Исчезновение детства // Отечественные записки. Вып. 3 (18). М., 2004. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.strana-oz.ru/2004/3/ischeznovenie-detstva>, свободный. Загл. с экрана. Яз. рус. (02.04.2017).

менее, христианская церковь не одобряла столкновения детей с проявлениями интимной сферы. Косвенное подтверждение этому можно встретить в популярном в Древней Руси житии Константина-Кирилла. Описывая благочестивых родителей святого, агиограф пишет, что после рождения ребёнка (очевидно, дабы не осквернить его невинности) «родители решили воздерживаться от плотского общения»¹³².

Феномен детской сексуальности в средние века – во всяком случае в Западной Европе – мало интересовал церковных авторов. В католичестве детская мастурбация считалась наиболее безобидным из всех сексуальных грехов, протестанты же уделяли этому явлению внимания значительно меньше, чем другим грехам, присущим их детям. Обряд экзорцизма – излечения от мастурбации, если и встречался в повседневной практике, то был скорее единичным проявлением фанатизма, чем явлением массовым, а осуждающий термин «онанизм» появился только в начале XVIII в.¹³³ Есть основания полагать, что в средневековой России ситуация была схожей. Во всяком случае, ни церковные моралисты, ни авторы художественных произведений не заостряют внимания на детской сексуальности, ограничиваясь абстрактным осуждением блуда.

По-настоящему серьёзное ограничение детской сексуальности и развитие концепции стыда, как в Европе, так и в России, связаны, по всей видимости, вовсе не с религиозной, а со светской моралью, которая формируется только в эпоху Просвещения¹³⁴.

Ко всему прочему, древнерусским священникам надлежало внимательно относиться к беременным: женщину, ожидающую ребёнка, следовало освободить от земных поклонов и предостеречь её о вредности спиртного¹³⁵. Подобное заботливое отношение церкви сохраняется и к уже родившимся детям. Так, епископ Илия, живший в Новгороде в XII в., разрешает детям в пост есть чаще, чем взрослым, так как те в силу возраста ещё не могли «говети»¹³⁶. Надо сказать, что православные посты в то время были достаточно суровыми и, если судить по описаниям Герберштейна, русские ели катастрофически мало¹³⁷.

¹³² БЛДР. СПб., 1999. Т. 2. С. 25.

¹³³ Fishman S. The History of Childhood Sexuality. // Journal of Contemporary History. London, 1982. Vol. 17, No. 2, Sexuality in History. P. 270-271, 273.

¹³⁴ Рассадина С. А. Табуированное удовольствие: концепты «Грех» и «Стыд» в контексте исторической антропологии детства // Вестник СПбГУ. Серия 6. Политология. Международные отношения. СПб., 2008. № 4. С. 221.

¹³⁵ Пушкарёва Н. Л. Частная жизнь женщины в Древней Руси и Московии. М., 2012. С. 72-74.

¹³⁶ Романов Б. А. Люди и нравы Древней Руси. Л., 1966. С. 187.

¹³⁷ Зимарева Е. А. Мотив пищи в публицистике XI-XVI вв.: Еда глазами жителей Древней Руси и гостей-иностранцев // Вестник РГГУ. 2014. № 12. С. 171.

Подобное соединение двух точек зрения: языческой и христианской – когда, с одной стороны, ребёнок – некто, способный нести убытки и выгоду, а с другой – объект любви, на наш взгляд, является ещё одним подтверждением того, что в Древней Руси существовала так называемая традиция любящего небрежения. С этим термином, внесённым в русскую историографию Н. Л. Пушкарёвой (автор термина – американский историк Д. Херлихи)¹³⁸, согласен и В. В. Долгов¹³⁹.

В целом, нельзя сказать, что христианство принесло с собой исключительно гуманные принципы отношения к ребёнку. Так, например, христианская традиция, не считавшая ребёнка до семи лет человеком в полном смысле этого слова, сформировала мнение, согласно которому ребёнок считался вместилищем разного рода бесов и демонов¹⁴⁰. Это вызывало соответствующее отношение к маленькому человеку: средством от его истерик и переживаний видели не любовь окружающих и беседу, а экзорцистский обряд. Тем не менее, безусловен тот факт, что именно христианство стало для Руси и западной цивилизации тем базисом, который, в конечном итоге, привёл к исключительно чувственному восприятию ребёнка.

2.3 О «потеплении» в отношении к детям

В своей периодизации отношения к детству Л. Де Моз выделяет конец средних веков – начало нового времени как период постепенного перехода к амбивалентному стилю воспитания, для которого характерен отказ от физического насилия над ребёнком. Началом перехода к этому стилю Л. Де Моз считает XIV в., завершается же переход, по его мнению, в XVII в., и уже в следующем столетии амбивалентный стиль сменяется на ещё более гуманный – навязывающий¹⁴¹. Косвенным доказательством того, что ментальные изменения начались именно в XIV в. может служить тот факт, что в это время в Западной Европе возникает профессиональное производство игрушек, в частности кукол. Городские куклы-игрушки с этого времени прочно входят в повседневную жизнь больших городов и считаются именно атрибутом ребёнка, который – что осознаётся производителями игрушек – нуждается в особом виде развлечений¹⁴². Этот факт говорит о том, что у средневековых родителей появляется желание радовать свои детей,

¹³⁸ Пушкарёва Н. Л. Частная жизнь женщины в Древней Руси и Московии. М., 2012. С. 71.

¹³⁹ Долгов В. В. Рождение и ранний период жизни ребёнка в Древней Руси XI—XIII вв.: методы ухода, обрядовая защита, ценностные приоритеты // Вестник Удмуртского университета. История. Вып. 7. Ижевск, 2007. С. 68.

¹⁴⁰ Де Моз Л. Психоистория. Ростов-на-Дону, 2000. С. 22.

¹⁴¹ Там же. С. 84-85.

¹⁴² Политова М. А. История кукол: традиции и современная жизнь // Современное дошкольное образование. Теория и практика. М., 2014. № 7. С. 74.

причём радовать чем-то особенным. С определённой условностью можно сказать, что окончательный переход к новому восприятию ребёнка и новому стилю воспитания в Европе происходит в XVI-нач. XVII вв.

Такой, своего рода поворот к детям, происходивший в XVI в., отмечает и Ф. Арьес, более того, он называет это время – временем открытия детства: ребёнок начинает ощущаться как нечто особенное, а потому требующее особенного (более тёплого) к себе отношения¹⁴³.

Если абстрагироваться от концепций Л. Де Моза и Ф. Арьеса и рассмотреть западноевропейские автобиографии того времени, то можно заметить в них определённые сдвиги в отношении к детям и к детству. Так, например, авторы XVI в. отходят от автобиографических правил, которые предписывают считать собственное детство греховным, они сомневаются по поводу разумности жёсткого пеленания, отказываются считать нормой жестокость своих родителей и учителей¹⁴⁴. Об особом, преисполненном нежностью и добротой, отношении к себе в детстве пишет известный французский интеллектуал XVI в. Мишель Монтень¹⁴⁵.

Некоторые исследователи связывают такое потепление в отношении к детям с началом бурного развития капитализма, видя в трепетном обращении с ребёнком проявление буржуазного сознания¹⁴⁶. В таком случае, судя по всему, ребёнок мог рассматриваться как капитал, который следует не только сберечь, но и приумножить, вкладывая в него как можно больше, чтобы потом ещё больше получить взамен. Другая точка зрения объясняет потепление развитием идей протестантизма, говоря о том, что протестантам было особенно важно, как можно скорее обучить детей грамоте и приобщить к своей вере. Так, с развитием протестантского образования, развивалось и понимание ребёнка¹⁴⁷.

Примечательно, что в России того времени не было ни зарождающейся буржуазии, ни протестантской этики – отсюда возникает вопрос: было ли потепление в отношении к детям?

Если обратиться к наиболее официальному источнику того времени – Домострою, то можно решить, что никакого потепления, равно как и вытеснения физических наказаний, которое отмечает Л. Де Моз в Западной

¹⁴³ Подвойский Д. Г., Наумова Н. П. Детство как социально конструируемый феномен // Вестник РУДН. Серия: Социология. М., 2014. № 2. С. 52.

¹⁴⁴ Зарецкий Ю. П. Детство в западноевропейских автобиографиях: от Средних веков к Новому времени // Неприкосновенный запас. М., 2008. № 2(58) [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/nz/2008/2/za19.html>, свободный. Загл. с экрана. Яз. рус. (02. 04. 2017).

¹⁴⁵ Гулик З. Н. Жестокое отношение к детям в эпоху Средневековья // Вестник ТГУ. Томск, 2011. № 350 С. 92-94.

¹⁴⁶ Там же. С. 94.

¹⁴⁷ Зарецкий Ю. П. Детство в западноевропейских автобиографиях: от Средних веков к Новому времени // Неприкосновенный запас. М., 2008. № 2(58) [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/nz/2008/2/za19.html>, свободный. Загл. с экрана. Яз. рус. (02. 04. 2017).

Европе, в России совсем не было. Автор источника, транслирующий официальную идеологию церкви призывает: «не жалея бить ребёнка», сечь его прутом, «сокрушать ему рёбра», «учащать ему раны»¹⁴⁸.

На первый взгляд детство остаётся не просто некоей греховной, даже презируемой, категорией, оно также продолжает быть чем-то незначимым. Авторы двух наиболее известных русскоязычных автобиографий XVII в.: протопоп Аввакум и Мартирий Зеленецкий¹⁴⁹, не в пример западным авторам вовсе опускают описания своего детства, не считая его чем-то важным. У Аввакума, на довольно значительный подъём текст «Жития», приходится лишь одно внятное детское впечатление – о том, как он узрел мёртвую «скотину» во дворе своего соседа, что вселило в него мысли о смерти и божий страх.¹⁵⁰

Интересные наблюдения можно сделать при анализе текстов Ивана Грозного. В первом послании Андрею Курбскому Грозный использует образ младенца не для обличения оппонента в невежестве или упрёка его в беспомощности (хотя и к такому приёму он тоже прибегнет¹⁵¹) – нет, Грозный использует этот образ для вызова сострадания. «Представь же себе» – восклицает он князю Курбскому – «как во время военного нашествия конские копыта попирают и давят нежные тела младенцев!»¹⁵² Сама по себе сцена очень жестока, но эту жестокость – жестокость по отношению к детям – Грозный считает самым большим ужасом, самой большой жестокостью, с которой, драматизируя, сравнивает «злосный собачий умысел изменить» князя Андрея Курбского.

В том же послании Иван ещё раз упоминает убийство ребёнка, также рассматривая его как большую трагедию, большое горе, которое, однако, бывает необходимо как жертва: «Вспомни величайшего из царей, Константина: как он ради царства сына своего, им же рожденного, убил!»¹⁵³ Рефлексируя на тему собственного детства, Иван отказывается считать нормой то, что ему с братом оказывали мало внимания, забывали покормить

¹⁴⁸ БЛДР. СПб., 2000. Т. 10. С. 133.

¹⁴⁹ БЛДР. Т. 13. Автобиографическая повесть Мартирия Зеленецкого [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=10596>, свободный. Загл. с экрана. Яз. рус. (02. 04. 2017).

¹⁵⁰ Житие протопопа Аввакума. Опыт перевода на современный русский язык / Под ред. Н. В. Поньрко. СПб, 2010. С. 15 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://spektorov.narod.ru/slav/avvakum.pdf>, свободный. Загл. с экрана. Яз. рус. (02. 04. 2017).

¹⁵¹ БЛДР. Т. 11. Первое послание Ивана Грозного Курбскому [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=9106>, свободный. Загл. с экрана. Яз. рус. (02. 04. 2017).

¹⁵² БЛДР. Т. 11. Первое послание Ивана Грозного Курбскому [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=9106>, свободный. Загл. с экрана. Яз. рус. (02. 04. 2017).

¹⁵³ Там же.

и игнорировали их мнение.¹⁵⁴ Детство, по мнению Ивана, не должно быть таким.

«Разве так поступили бы со своими детьми: дали бы вы им вместо яйца скорпиона и вместо рыбы камень? ... почему же вы не творите так же добра нашим детям, как и своим?»¹⁵⁵ – с точки зрения Грозного, проявлять любовь к детям не только абсолютно нормально – это нечто само собой разумеющееся.

Признаки подобного, более трогательного, чем в прошлых веках, отношения к детям транслируются не только Иваном Грозным. В уже упомянутом «Житие» Аввакума абсолютно обычному ребёнку, не святому, даже не мальчику, а девочке – в частности дочери Аввакума отводится роль благодетеля, который по божьему велению спасает Аввакума от смерти, помогая ему выплюнуть «крошку», которой тот подавился в результате чего перестал дышать.¹⁵⁶ Примечательно, что здесь ребёнок выступает не вместилищем бесов и инструментом дьявола (в литературе XIII в. такая девочка, скорее, помогла бы отцу подавиться, чем спасла бы его от гибели), а сосудом для благих намерений Господа. Аввакум пишет, что обязательно бы погиб, «если бы только не ребенок!»¹⁵⁷.

Свои дети для Аввакума являются важнейшей частью его мирской жизни. Именно к ним он способен испытывать сострадание, даже когда лишается сострадания к самому себе. Они – его слабое место, его Ахиллесова пята. Единственный случай, когда Аввакум уже будучи в ссылке «пал духом» связан именно с его детьми. «Болезнь бо чад моих на всяк час слез душу мою исполняет. И в Даурской стране у меня два сына от нужи умерли. Царь государь, смилуйся!»¹⁵⁸ – настолько трепетным и слабым становится строптивый Аввакум, когда дело касается жизни его детей.

Явное сострадание проявляет Аввакум и по отношению к чужим детям. В «Житии» он описывает, как с божьей помощью исцелял «смаленьких, страдавших грыжею», которых приносили ему отчаявшиеся матери. «На руку масла положив, вытру болящему спину и животик»¹⁵⁹, – с особой нежностью пишет Аввакум про больных детей.

Упомянутый выше князь Курбский в одном из своих посланий так говорит о бедах, претерпеваемых подданными озверевшего царя Ивана: «...

¹⁵⁴ Там же.

¹⁵⁵ Там же.

¹⁵⁶ Житие протопопа Аввакума. Опыт перевода на современный русский язык / Под ред. Н. В. Поньрко. СПб, 2010. С. 114-116 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://spektorov.narod.ru/slav/avvakum.pdf> , свободный. Загл. с экрана. Яз. рус. (02. 04. 2017).

¹⁵⁷ Там же.

¹⁵⁸ Житие протопопа Аввакума. Опыт перевода на современный русский язык / Под ред. Н. В. Поньрко. СПб, 2010. С. 66 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://spektorov.narod.ru/slav/avvakum.pdf> , свободный. Загл. с экрана. Яз. рус. (02. 04. 2017).

¹⁵⁹ Там же. С. 106.

иные своих любимых детей, плоды чрева своего, продают в вечное рабство...»¹⁶⁰. В этих словах продажа детей не только не предстаёт перед нами как норма, не служит средством иронии, но, напротив, рассматривается как огромное горе: «плоды чрева своего» – такой оборот использует Андрей Курбский, дабы показать особенно тёплую связь родителей со своими детьми. Он же в письме княгине Ивановой Чарторьской пишет: «Здоровья тебе и твоим любимым детям!»¹⁶¹, заведомо полагая, что княгиня – любящая мать и дорожит своими детьми.

И всё-таки наиболее красноречивым примером потепления к детям, происшедшего в России в течение XVI-XVII в., служит новый житийный штамп, наиболее подробно разработанный в Житие Макария Желтоводского и Унженского. Агиограф описывает, как юный Макарий ушёл из дома, ведомый желанием посвятить себя служению Богу и принять иноческий обет. Родители – и это коренным образом отличает их от родителей из более ранних текстов – не зная, куда ушёл их сын, и жив ли он, не просто оплакали дитя, они не прекращали его поиски: «Заповедывали уезжавшим в разные страны и области расспрашивать о ребенке своем»¹⁶². Сын настолько был дорог им, что за его находку предполагалось щедрое вознаграждение, а сами родители в течение нескольких лет не забыли сына и не теряли надежду на его возвращение.

Узнав о том, что всё то время, пока они страдали от безызвестности, Макарий был поблизости – в Печерском монастыре, родители не впадают в ярость, они пытаются понять Макария и поскорее узнать, что с ним. На встречу с сыном отец Макария Иван приходит без злобы – с одним лишь желанием поскорее увидеть сына. Агиограф описывает трогательную сцену их встречи: «Отец снова сказал: «Чадо мое, если ты не явишь мне лицо свое, не отойду от твоей кельи. Протяни мне хотя бы руку твою!»¹⁶³ – с таким трепетом и понимаем Иван относится к тому, что Макарий не хочет видится с ним, так как решил отринуть для себя всё мирское.

Единственный нюанс, который несколько сглаживает трогательность описанных сцен – то, что агиограф, говоря о Макарии, постоянно повторяет выражение «единственный сын»¹⁶⁴. Будто с его точки зрения именно это детерминирует такую озабоченность родителей судьбой Макария, ведь кроме

¹⁶⁰ БЛДР. Т. 11. Второе послание Вассиану Муромцеву [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://lib.pushkinskiydom.ru/Default.aspx?tabid=9866>, свободный. Загл. с экрана. Яз. рус. (02. 04. 2017).

¹⁶¹ БЛДР. Т. 11. Послание княгине Чарторьской [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://lib.pushkinskiydom.ru/Default.aspx?tabid=9872>, свободный. Загл. с экрана. Яз. рус. (02. 04. 2017).

¹⁶² БЛДР. Т. 13. Житие Макария Желтоводского и Унженского [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://lib.pushkinskiydom.ru/Default.aspx?tabid=10577>, свободный. Загл. с экрана. Яз. рус. (02. 04. 2017).

¹⁶³ БЛДР. Т. 13. Житие Макария Желтоводского и Унженского [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://lib.pushkinskiydom.ru/Default.aspx?tabid=10577>, свободный. Загл. с экрана. Яз. рус. (02. 04. 2017).

¹⁶⁴ Там же.

него никто больше не сможет позаботиться о них в старости и унаследовать их знатное имя.

Подобный штамп с любящими родителями встречается и в Житии Кирилла Новозёрского. Сюжету поиска ушедшего сына агиограф посвящает целую главу¹⁶⁵. «Не найдя его, как о мертвом плакали о нем горько, в грудь себя ударяя» – так пишет он об отчаявшихся родителях, показывая тем самым, что «горько плакать» о смерти ребёнка для людей XVI в. – обычное дело. Назначив вознаграждение каждому, кто даст какую-либо весть о потерянном отроке, родители ищут его целых двенадцать лет. Сцена встреча отца с сыном снова не содержит ни ярости, ни обиды, ни горечи о прошедших годах: «Отец «...» быстро встал и встретил сына своего, и припал к груди его, и расцеловались, и плакали горько, и едва смогли немного утешиться»¹⁶⁶. Причём Кирилл, в отличие от Макария, проявляет ответную любовь по отношению к родителю, и это считается нормой.

Говоря об образе любящих и ищущих родителей, нельзя не сказать о том, что подобный сюжет встречался в древнерусской литературе и ранее. Речь идёт о Житии Феодосия Печерского – одном из самых ранних древнерусских житий. Три раза, будучи отроком, сбегает Феодосий из дома, и мать (отец святого умер, когда тому было 13 лет) бросается на его поиски. Однако, в первый раз, догнав Феодосия, присоединившегося к паломникам, мать, «телом крепкая и сильная, как мужчина», цепляется ему в волосы, связывает и силой везёт домой¹⁶⁷. Мать не проявляет ни понимания, ни радости от встречи с сыном, ей движет исключительно гнев. Сцены гнева и даже жестокости матери Феодосия описываются агиографом неоднократно¹⁶⁸: мать всячески притесняет будущего святого, мешает ему вести иноческий образ жизни и приносить себя в жертву во имя Бога.

Узнав о третьем бегстве Феодосия, мать – так же, как и родители прошлых житий – объявляет награду любому, кто посодействует ей в поисках сына. Изначально ведя себя спокойно, мать в разговоре со старцем Антонием, в пещере которого жил Феодосий, снова опускается до гнева¹⁶⁹. Однако увидев наконец беглого сына, мать заключает его в свои объятия и рыдает. Казалось бы, столь трогательная сцена вполне может оказаться более поздней припиской. Тем более, что в этом эпизоде мать Феодосия совсем не похожа на себя прошлую: жестокую и нетерпимую по отношению к сыну. Однако сцена тёплого общения Феодосия с одумавшейся матерью встречается в самой

¹⁶⁵ БЛДР. Т. 13. Житие Кирилла Новозерского. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=10579>, свободный. Загл. с экрана. Яз. рус. (02. 04. 2017).

¹⁶⁶ Там же.

¹⁶⁷ БЛДР. СПб., 1997. Т. 1. С. 359.

¹⁶⁸ Там же. С. 357, 359, 361.

¹⁶⁹ Там же. С. 367.

ранней из дошедших до нас редакций Жития, которая входит в Успенский сборник XII-XIII вв.¹⁷⁰

Тем не менее, с точки зрения смыслового поля, у описанных выше житий XVI в. и жития Феодосия Печерского, не так много общего. В случае последнего, сюжет с матерью, дважды бросающейся на поиски бежавшего отрока и, в конце концов, обнимающей его дан не как пример любящего родителя, а как образец человеческого исправления и преображения под влиянием подвига святого. Мать, предстающая в начале чуть ли не врагом Феодосия, калечащая его и заключающая в оковы¹⁷¹, в конце превращается в любящую и сочувствующую женщину, готовую отказаться от всего мирского и приобщиться к Богу.

Таким образом, Житие Феодосия Печерского, написанное в конце XI в. всё-таки не являет нам штампа любящих-ищущих родителей, хотя на первый взгляд может показаться так.

Из остальной литературы, известной на Руси до периода «потепления», нечто, похожее на штамп любящих-ищущих родителей, встречается разве что в переводном, что важно, житии Алексея Человека Божьего. Юный Алексей также бежит из богатого дома родителей ради иноческого образа жизни – тогда его отец посылает слуг на поиски сына, которые ищут его по всей Восточной Римской империи. Мать, подавленная горем, становится затворницей, всё время молится и отказывается выходить из собственной спальни, пока не найдётся Алексей¹⁷². Эта история, хоть и являет собой пример родительского неравнодушия и, вероятно, любви, вряд ли может свидетельствовать о потеплении в отношении к детям в тот момент, когда она попала на Русь, то есть в XI в. Во-первых, это Житие написано в Средиземноморье в середине VIII в.¹⁷³, а потому никак не отражает ни древнерусские реалии, ни ментальность древнерусского автора. Во-вторых, в России это житие стало особенно популярным только в XVII в.¹⁷⁴, вряд ли хоть сколько-нибудь значимое число древнерусских родителей могли подчерпнуть в нём пример родительской любви и самопожертвования. Наконец, в-третьих, хотя Житие Алексея и транслирует пример сильнейшей преданности идее вернуть пропавшего сына, особенно в лице матери, оно, не в пример упомянутым выше текстам XVI-XVII в., не содержит особенно трогательных сцен родительской нежности и не фокусируется именно на теме родительской любви.

В русском сознании XVI-XVII в. очевидно происходят некие сдвиги: ребёнок в большей степени становится объектом любви, ценность его жизни

¹⁷⁰ Успенский сборник XII-XIII вв. М., 1971. С. 82.

¹⁷¹ БЛДР. СПб., 1997. Т. 1. С. 359.

¹⁷² БЛДР. СПб., 1999. Т. 2. С. 247.

¹⁷³ Там же. С. 534.

¹⁷⁴ Там же.

возрастает, а система оценок, через которую ребёнок воспринимают, всё больше начинает отличаться от системы оценок взрослого. Однако, было ли это потепление к ребёнку вызвано влиянием запада или происходило под воздействием внутренних причин (и если так, то каких причин, ведь вышеназванных западных факторов в России того времени не было?) – до сих пор остаётся не ясным.

2.4 Образ идеального ребёнка

Но если отношение родителей Древней Руси к своим детям можно объяснить традицией любящего небрежения, то отношение общества к маленькому человеку стоит объяснять с точки зрения требований, которые оно выдвигало к нему.

Христианская культура принесла на Русь не очень справедливую с точки зрения современного человека традицию предопределения – требования, которое выдвигалось к ещё не родившемуся ребёнку. Речь идёт о популярном среди средневековых христиан мнении о том, что дети, появившиеся на свет «от греховного», рождаются нечистыми и злыми. Перед древнерусским обществом всегда представал наглядный пример такого утверждения – Святополк Окаянный, чьей матерью князь Владимир овладел, не будучи с ней в браке, отчего Святополк и вырос братоубийцей¹⁷⁵. Незаконнорожденные были настолько противны христианской церкви, что ещё в XII в. священники не знали, стоит ли вообще крестить детей, таким путём появившихся на свет¹⁷⁶.

Обратная сторона этого предвзятого отношения к детям (плохой ребёнок появляется от родителей, живущих во грехе, а хороший – от праведных родителей) выдаёт себя в многочисленных литературных памятниках – прежде всего, в житиях святых. Святые – люди, с христианской точки зрения, максимально правильные, очень часто рождаются в семьях, где родители богобоязненны и окружены почётом со стороны других. Именно такие родители в житийной традиции произвели на свет Константина-Кирилла¹⁷⁷, Авраамия Смоленского¹⁷⁸, Кирилла Белозерского¹⁷⁹, Святого

¹⁷⁵ БЛДР. СПб., 1997. Т. 1. С. 329.

¹⁷⁶ Романов Б. А. Люди и нравы Древней Руси. Л., 1966. С. 183-184.

¹⁷⁷ БЛДР. СПб., 1999. Т. 2. С. 23, 25.

¹⁷⁸ БЛДР. СПб., 1997. Т. 5. С. 33.

¹⁷⁹ БЛДР. СПб., 1999. Т. 7. С. 137.

Алексея¹⁸⁰, Сергея Радонежского¹⁸¹, Феодосия Печерского¹⁸² и других. Ни один святой или просто положительный герой в древнерусской литературе не был отпрыском нечистых родителей и уж тем более не был зачат во грехе.

Эта связь греховного зачатия с будущим характером нового человека была настолько сильна в древнерусских умах, что в Заповедях митрополита Георгия даже предполагается епитимия родителям, зачавшим ребёнка в непопавшие для этого дни: воскресенье, субботу или пятницу, в случае если тот «будет разбойник, или блудник, или тать»¹⁸³.

Такое предвзятое отношение к детям транслируется и более поздними источниками XVI-XVII в. Андрей Курбский в своей «Истории о великом князе Московском» причину жестокости Ивана IV и его неудачного правления видит, прежде всего, в том, что зачатие Ивана произошло «через попрание закона и похоть»¹⁸⁴ (речь идёт о том, что Василий III, чтобы взять в жёны мать Ивана, насильно заточил свою прошлую жену в монастырь).

От «прелюбодеяния рождённым»¹⁸⁵ называет А. Курбский и предводителя опричнины Алексея Даниловича Басманова (в письме имя А. Д. Басманова не названо, но по косвенным данным можно заключить, что речь идёт именно о нём). Для автора подобная характеристика оскорбляет и детерминирует греховные поступки человека сильнее, чем что бы то ни было.

Никуда не исчезает и житийный штамп «благочестивые дети рождаются только у благочестивых родителей». Примечательно, как в житии Арсения Коневского агиограф сначала пишет, что никаких данных о родителях святого, даже имён их, найти ему не удалось, и уже через несколько строчек называет этих людей «благоверными и христоробивыми»¹⁸⁶.

К уже родившемуся ребёнку древнерусское общество также предъявляло определённые требования. Прежде всего, ребёнок должен был отличаться послушанием. Так, автор сказания о Борисе и Глебе, желая подчеркнуть, что Борис был благочестивым ребёнком, говорит, в первую очередь, о его послушании¹⁸⁷, а великий владимирский князь Константин

¹⁸⁰ БЛДР. СПб., 1999. Т. 2. С. 245.

¹⁸¹ БЛДР. СПб., 1999. Т. 6. С. 263.

¹⁸² БЛДР. СПб., 1997. Т. 1. С. 355.

¹⁸³ Романов Б. А. Люди и нравы Древней Руси. Л., 1966. С. 184.

¹⁸⁴ БЛДР. Т. 11. История о великом князе Московском [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=9862>, свободный. Загл. с экрана. Яз. рус. (02. 04. 2017).

¹⁸⁵ БЛДР. Т. 11. Первое послание Курбского Ивану Грозному. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=9105>, свободный. Загл. с экрана. Яз. рус. (02. 04. 2017).

¹⁸⁶ БЛДР. Т. 13. Житие Арсения Коневского [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=10574>, свободный. Загл. с экрана. Яз. рус. (02. 04. 2017).

¹⁸⁷ БЛДР. СПб., 1997. Т. 1. С. 331.

Всеволодович советует своим детям слушаться старших, «советы (их) прилежно внимая»¹⁸⁸.

Особое почтение ребёнок, даже повзрослев, должен был оказывать своим родителям, причём как отцу – главе семейства, так и матери. Избить свою мать считалось преступлением не только с точки зрения нравственного закона, но и с точки зрения закона светского. Сына, поднявшего руку на мать, ожидала «волостетельская казнь» вплоть до монашеского пострига¹⁸⁹.

Благочестивому ребёнку в то же вменялась и любовь к труду. Так, говоря о своём «Поучении», Владимир Мономах пишет: «кому из детей моих она («грамотка», то есть поучение. – Р. С.) будет любя, пусть примет её в сердце своё и не станет лениться, а будет трудиться»¹⁹⁰. О праведности и необходимости труда в своём «Поучении» говорит и Феодосий Печерский, приводя в качестве аргумента цитату святого Павла: «Кто не работает, пусть не ест»¹⁹¹.

Подобное отношение к труду, культивируемое христианством, отражено и в народных пословицах: «Скучен день до вечера, если делать нечего», «Без дела жить – только небо коптить», «Хочешь есть калачи, так не седи на печи!», «Лень добра не даёт. Лень к добру не приставить», «На Бога уповай, а без дела не бывай!» и многих других¹⁹².

В то же время игры и озорство – как противоположность труду и учению – осуждались христианской церковью. Так, будущий святой Иона Новгородский, по мнению агиографа, ещё в детстве отличался от своих сверстников в лучшую сторону тем, что имел «кроткое поведение и тихий нрав», из-за которых «к весело играющим детям никогда не приближался»¹⁹³. Подобная ситуация – осуждение праздности, неблагочестивого времяпрепровождения, была характерна и для западной Европы, где церковь осуждала феномен игры во всех его проявлениях: азартных и даже подвижных¹⁹⁴.

Представление о ребёнке, как о человеке постоянно забавляющемся, играющем и своевольном становится для древнерусского общества своего рода стереотипом. Этот стереотип прослеживается и в более поздних источниках. Так, например, Иван Грозный в первом послании князю Курбскому пишет: «Ни в чем нам воли не было, но все делали не по своей

¹⁸⁸ Антология педагогической мысли Древней Руси и Русского государства XIV-XVII вв. М., 1985. С. 181.

¹⁸⁹ Пушкарёва Н. Л. Частная жизнь женщины в Древней Руси и Московии. М., 2012. С. 77.

¹⁹⁰ БЛДР. СПб., 1997. Т. 1. С. 457.

¹⁹¹ БЛДР. СПб., 1997. Т. 1. С. 435.

¹⁹² Даль В. И. Пословицы русского народа: в 2 т. М.; СПб., 1879. Т. 1. С. 650-668.

¹⁹³ БЛДР. СПб., 1999. Т. 7. С. 237.

¹⁹⁴ Арьес Ф. Ребёнок и семейная жизнь при Старом порядке. Екатеринбург, 1999. С. 95-96.

воле и не так, как обычно поступают дети.»¹⁹⁵ Об «играх и забавных разговорах» обычных детям говорит и автор жития Арсения Коневского¹⁹⁶. Тот факт, что Арсений «ненавидел (игры и забавы – Р. С.) и гнушался ими» рассматривается как его неоспоримое достоинство и преимущество перед другими сверстниками. Этот житийный штамп – о тихом святом-ребёнке – конечно, не так популярен, как штамп о благочестивых родителях, но всё же и он встречается во многих текстах. Даже в прогрессивном, с точки зрения транслирования отношений родителей с сыном, житие Макария Желтоводского и Унженского можно встретить такую фразу: «От младых ногтей никогда не видели мы его играющим со своими сверстниками или попусту болтающим...»¹⁹⁷ – с гордостью говорит отец Макария, рассказывая незнакомому монаху об отроке.

Примечательно, что образ стереотипного ребёнка, сконструированный древнерусским обществом кардинальным образом, отличался от образа идеального ребёнка. Во много это объясняется тем, что христианская традиция предъявляла к ребёнку такие требования, не нарушить которые было почти невозможно. Трудно не согласиться с тем, что иногда послушаться старших ребёнку было просто необходимо, или с тем, что избегание общества сверстников и игр для ребёнка в эпоху с невероятно малым количеством книг и развлечений становилось поистине непосильной задачей. Невозможность во всём соответствовать высокому идеалу, установленным христианской верой, могла порождать в ребёнке небрежение к самому себе, а во взрослых – постоянное недовольство ребёнком. Такое положение вещей, когда из-за завышенных требований ребёнок становится недовольным собой, а взрослые – недовольными ребёнком, может приводить к разного рода конфликтам как на уровне отдельно взятых семей, так и на уровне поколений.

Ещё М. Мид в работе «Взросление на Самоа» писала, что отсутствие подобных строгих требований в самоанском обществе благотворно сказывается на подрастающем поколении: дети реже, чем на Западе страдают неврозами, и реже вступают в столкновения со старшими¹⁹⁸.

¹⁹⁵ БЛДР. Т. 11. Первое послание Ивана Грозного Курбскому [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://lib.pushkinskiydom.ru/Default.aspx?tabid=9106>, свободный. Загл. с экрана. Яз. рус. (02. 04. 2017).

¹⁹⁶ БЛДР. Т. 13. Житие Арсения Коневского [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://lib.pushkinskiydom.ru/Default.aspx?tabid=10574>, свободный. Загл. с экрана. Яз. рус. (02. 04. 2017).

¹⁹⁷ БЛДР. Т. 13. Житие Макария Желтоводского и Унженского [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://lib.pushkinskiydom.ru/Default.aspx?tabid=10577>, свободный. Загл. с экрана. Яз. рус. (02. 04. 2017).

¹⁹⁸ Мид М. Культура и мир детства. Избранные произведения. М.: Наука, 1988. С. 161-168.

Заключение

Представленная работа носит характер скорее концептуальный и умозрительный, нежели чисто источниковедческий. Не обходясь без критики уже имеющихся трудов по истории древнерусского детства, она во многом соглашается с ними и опирается на источники, представленные в них. Отчасти это обусловлено той бедностью источниковой базы, с которой сталкивается исследователь древнерусского детства, когда начинает углублённо изучать эту тему. Было бы бессмысленным изобретать велосипед и заново открывать источники, уже изученные профессиональными и компетентными людьми.

Тем не менее, выводы, к которым приходит это небольшое исследование, сами по себе могут быть интересны, ведь нигде ещё в отечественной историографии не было представлено работы, обобщающей все особенности феномена восприятия детства в Древней Руси:

1) Восприятие ребёнка древнерусским человеком формировалось в рамках бинарной оппозиции «взрослый-ребёнок», где ребёнок вытеснялся в категорию Другого. Главным отличием ребёнка от взрослого, особенностями, определяющими ребёнка как «не взрослого» были: «знание» (ребёнок – тот, кто не знает) и семейная жизнь (ребёнок – тот, кто не вступил в брак, не начал самостоятельной семейной жизни);

2) Колоссальное влияние на восприятие детства в Допетровской Руси оказало христианство. Именно оно принесло на Русь новый семилетний рубеж, положив тем самым начало дроблению детства и обособлению его

различных возрастно-психологических периодов. Благодаря христианству на Руси появился такой феномен как предвзятость по отношению к ребёнку, детерминируемая законностью его зачатия (ребёнок, зачатый во грехе – обязательно плохой ребёнок, и наоборот);

3) Риторика православной церкви заложила в массовом сознании Древней Руси фундамент чувственного – противоположного экономическому – восприятия ребёнка. Пусть и очень медленно, но всё же ребёнок начинал восприниматься взрослыми не только как будущий работник, наследник или средство укрепления социальных связей (посредством брака), но и как объект любви, что соответствует сегодняшнему восприятию;

4) Требования, предъявляемые древнерусским обществом к детям, являлись почти невыполнимыми, что отразилось в резком расхождении образов идеального и стереотипного ребёнка в источниках Допетровской Руси. Это несоответствие ребёнка заданному идеалу заложило одну из основ конфликта, в будущем, названного конфликтом отцов и детей;

5) Восприятие ребёнка на протяжении периода, называемого Допетровской Русью, не было статичным. Равно как и в западной Европе в России XVI-XVII вв. наблюдалось потепление в отношении к детям, которое заложило основу для восприятия ребёнка в последующую эпоху.

Источники

1. Автобиографическая повесть Мартирия Зеленецкого // Библиотека литературы Древней Руси / РАН. ИРЛИ; Под ред. Д. С. Лихачева, Л. А. Дмитриева, А. А. Алексеева, Н. В. Понырko. – Т. 13. – СПб.: Наука, 2005. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://lib.pushkinskiydom.ru/Default.aspx?tabid=10574> , свободный. – Загл. с экрана. – Яз. рус. – (02. 04. 2017).
2. Василий Буслев и Новгородцы // Былины: Сборник / Вступ. ст., сост., подгот. текстов и примеч. Б. Н. Путилова. – Изд. 3. – Л.: Советский писатель, 1986. – С. 284-290.
3. Волх Всеславьевич // Былины: Сборник / Вступ. ст., сост., подгот. текстов и примеч. Б. Н. Путилова. – Изд. 3. – Л.: Советский писатель, 1986. – С. 89-94.
4. Второе послание Курбского Вассиану Муромцеву // Библиотека литературы Древней Руси / Под ред. Д. С. Лихачева, Л. А. Дмитриева, А. А. Алексеева, Н. В. Понырko. – СПб.: Наука, 2001. – Т. 11. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://lib.pushkinskiydom.ru/Default.aspx?tabid=9866> , свободный. – Загл. с экрана. – Яз. рус. – (02. 04. 2017).

5. Второе послание Курбского Ивану Грозному // Библиотека литературы Древней Руси / Под ред. Д. С. Лихачева, Л. А. Дмитриева, А. А. Алексеева, Н. В. Поньрко. – СПб.: Наука, 2001. – Т. 11. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=9111> , свободный. – Загл. с экрана. – Яз. рус. – (02. 04. 2017).
6. Даль В. И. Пословицы русского народа: в 2 т. – Изд. 2 – СПб.; М.: Типография М. О. Вольфа, 1879. – 1 т. – 685 с.
7. Домострой // Библиотека литературы Древней Руси / РАН. ИРЛИ; Под ред. Д. С. Лихачева, Л. А. Дмитриева, А. А. Алексеева, Н. В. Поньрко. – Т. 10. – СПб.: Наука, 2000. – С. 117-215.
8. Древнерусские берестяные грамоты. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://gramoty.ru/> , свободный. – Загл. с экрана. – Яз. рус. – (02. 04. 2017).
9. Житие Авраамия Смоленского // Библиотека литературы Древней Руси / РАН. ИРЛИ; под ред. Д. С. Лихачева, Л. А. Дмитриева, А. А. Алексеева, Н. В. Поньрко. – Т. 5. – СПб.: Наука, 1997. – С. 30-66.
10. Житие Алексея человека Божия // Библиотека литературы Древней Руси / Под ред. Д. С. Лихачева, Л. А. Дмитриева, А. А. Алексеева, Н. В. Поньрко. – Т. 2. – СПб.: Наука, 1999. – С. 244-254.
11. Житие Арсения Коневского // Библиотека литературы Древней Руси / РАН. ИРЛИ; Под ред. Д. С. Лихачева, Л. А. Дмитриева, А. А. Алексеева, Н. В. Поньрко. – Т. 13. – СПб.: Наука, 2005. – Житие Арсения Коневского [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=10574> , свободный. – Загл. с экрана. – Яз. рус. – (02. 04. 2017).
12. Житие Кирилла Белозерского // Библиотека литературы Древней Руси / Под ред. Д. С. Лихачева, Л. А. Дмитриева, А. А. Алексеева, Н. В. Поньрко. – Т. 7. – СПб.: Наука, 1999. – С. 132-218.
13. Житие Кирилла Новозерского // Библиотека литературы Древней Руси / РАН. ИРЛИ; Под ред. Д. С. Лихачева, Л. А. Дмитриева, А. А. Алексеева, Н. В. Поньрко. – Т. 13. – СПб.: Наука, 2005. – [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=10579> , свободный. – Загл. с экрана. – Яз. рус. – (02. 04. 2017).
14. Житие Константина-Кирилла // Библиотека литературы Древней Руси / Под ред. Д. С. Лихачева, Л. А. Дмитриева, А. А. Алексеева, Н. В. Поньрко. – Т. 2. – СПб.: Наука, 1999. – С. 22-66.
15. Житие Макария Желтоводского и Унженского // Библиотека литературы Древней Руси / Под ред. Д. С. Лихачева, Л. А. Дмитриева,

- А. А. Алексеева, Н. В. Поньрко. – СПб.: Наука, 2005. – Т. 13. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://lib.pushkinskiydom.ru/Default.aspx?tabid=10577>, свободный. – Загл. с экрана. – Яз. рус. – (02. 04. 2017).
16. Житие протопопа Аввакума. Опыт перевода на современный русский язык / Под ред. Н. В. Поньрко. – СПб: Пушкинский дом, 2010. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://spektorov.narod.ru/slav/avvakum.pdf>, свободный. – Загл. с экрана. – Яз. рус. – (02. 04. 2017).
17. Житие Сергея Радонежского // Библиотека литературы Древней Руси / Под ред. Д. С. Лихачева, Л. А. Дмитриева, А. А. Алексеева, Н. В. Поньрко. – Т. 6. – СПб.: Наука, 1999. – С. 254-412.
18. Житие Феодосия Печерского // Библиотека литературы Древней Руси / Под ред. Д. С. Лихачева, Л. А. Дмитриева, А. А. Алексеева, Н. В. Поньрко. – Т. 1. – СПб.: Наука, 1997. – С. 352-434.
19. Заговор матери // Антология педагогической мысли Древней Руси и Русского государства XIV-XVII вв. / Антология педагогической мысли народов СССР. – М.: Педагогика, 1985. – С. 34-35.
20. История о Великом князе Московском // Библиотека литературы Древней Руси / Под ред. Д. С. Лихачева, Л. А. Дмитриева, А. А. Алексеева, Н. В. Поньрко. – СПб.: Наука, 2001. – Т. 11. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://lib.pushkinskiydom.ru/Default.aspx?tabid=9862>, свободный. – Загл. с экрана. – Яз. рус. – (02. 04. 2017).
21. Казанская история // Библиотека литературы Древней Руси / Под ред. Д. С. Лихачева, Л. А. Дмитриева, А. А. Алексеева, Н. В. Поньрко. – Т. 10. – СПб.: Наука, 2000. – С. 254-512.
22. Колыбельные песни // Антология педагогической мысли Древней Руси и Русского государства XIV-XVII вв. / Антология педагогической мысли народов СССР. – М.: Педагогика, 1985. – С. 35-37.
23. Корб И. Г. Дневник путешествия в Московское государство, 1698 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.sedmitza.ru/lib/text/439160/>, свободный. – Загл. с экрана. – Яз. рус. – (02. 04. 2017).
24. Наставление Константина Всеволодовича Детям // Антология педагогической мысли Древней Руси и Русского государства XIV-XVII вв. / Антология педагогической мысли народов СССР. – М.: Педагогика, 1985. – С. 181.
25. Олеарий А. Описание путешествия в Московию. / Пер. с нем. А. М. Ловягина. – Смоленск: Русич., 2003. – 480 с.

26. Первое послание Ивана Грозного Курбскому // Библиотека литературы Древней Руси / Под ред. Д. С. Лихачева, Л. А. Дмитриева, А. А. Алексеева, Н. В. Поньрко. – СПб.: Наука, 2001. – Т. 11. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=9106> , свободный. – Загл. с экрана. – Яз. рус. – (02. 04. 2017).
27. Первое послание Курбского Ивану Грозному // Библиотека литературы Древней Руси / Под ред. Д. С. Лихачева, Л. А. Дмитриева, А. А. Алексеева, Н. В. Поньрко. – СПб.: Наука, 2001. – Т. 11. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=9105> , свободный. – Загл. с экрана. – Яз. рус. – (02. 04. 2017).
28. Повесть о Басарге и о сыне его Борзосмысле // Библиотека литературы Древней Руси / Под ред. Д. С. Лихачева, Л. А. Дмитриева, А. А. Алексеева, Н. В. Поньрко. – Т. 7. – СПб.: Наука, 1999. – С. 474-486.
29. Повесть об Ионе, архиепископе новгородском // Библиотека литературы Древней Руси / Под ред. Д. С. Лихачева, Л. А. Дмитриева, А. А. Алексеева, Н. В. Поньрко – Т. 7. – СПб.: Наука, 1999. – С. 232-254.
30. Послание княгине Чарторыйской // Библиотека литературы Древней Руси / Под ред. Д. С. Лихачева, Л. А. Дмитриева, А. А. Алексеева, Н. В. Поньрко. – СПб.: Наука, 2001. – Т. 11. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=9872> , свободный. – Загл. с экрана. – Яз. рус. – (02. 04. 2017).
31. Поучение Владимира Мономаха // Библиотека литературы Древней Руси / РАН. ИРЛИ; под ред. Д. С. Лихачева, Л. А. Дмитриева, А. А. Алексеева, Н. В. Поньрко. – Т. 1. – СПб.: Наука, 1997. – С. 456-476.
32. Поучение и молитва Феодосия Печерского // Библиотека литературы Древней Руси / РАН. ИРЛИ; под ред. Д. С. Лихачева, Л. А. Дмитриева, А. А. Алексеева, Н. В. Поньрко. – Т. 1. – СПб.: Наука, 1997. – С. 434-456.
33. Сказание о Борисе и Глебе // Библиотека литературы Древней Руси / РАН. ИРЛИ; под ред. Д. С. Лихачева, Л. А. Дмитриева, А. А. Алексеева, Н. В. Поньрко. – Т. 1. – СПб.: Наука, 1997. – С. 328-352.
34. Слово о злых жёнах // Библиотека литературы Древней Руси / Под ред. Д. С. Лихачева, Л. А. Дмитриева, А. А. Алексеева, Н. В. Поньрко. – Т. 7. – СПб.: Наука, 1999. – С. 486-490.
35. Третье послание князю Константину Острожскому // Библиотека литературы Древней Руси / Под ред. Д. С. Лихачева, Л. А. Дмитриева,

- А. А. Алексеева, Н. В. Поньрко. – СПб.: Наука, 2001. – Т. 11. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=9876>, свободный. – Загл. с экрана. – Яз. рус. – (02. 04. 2017).
36. Уникальная реставрация одежды и первая реконструкция облика ребенка Древней Руси [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.kreml.ru/research/research-and-projects.istoricheskij-nekropol-vozneshenskogo-monastyrya/2006/>, свободный. – Загл. с экрана. – Яз. рус. – (02. 04. 2017).
37. Успенский сборник XII-XIII вв. / Изд. подгот. О. А. Князевская, В. Г. Демьянов, М. В. Ляпон; Под ред. С. И. Коткова. – М.: Наука, 1971. – 754 с.

Литература

1. Hanawalt B. The ties that bound. Peasant families in medieval England. – Oxford: Oxford University Press, 1986. – 346 p.
2. Heywood C. A History of Childhood: Children and Childhood in the West from Medieval to Modern Times. – Cambridge: Polity, 2001. – 240 p.
3. Kelly C. Children's World: Growing Up in Russia, 1890-1991. – New Haven: Yale University Press, 2007. – 714 p.
4. Kelly C. Comrade Pavlik: The Rise and Fall of a Soviet Boy Hero. – London: Granta Books, 2005 – 354 p.
5. Okenfuss M. J. The Discovery of Childhood in Russia: The Evidence of the Slavic Primer. – Newtonville, Mass.: Oriental Research Partners, 1980. – 94 p.
6. Okenfuss M. J. Education and Empire: School Reform in Enlightened Russia. – Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. Neue Folge. – Bd. 27, H. 1. – Stuttgart, 1979 – P. 41-68.
7. Orme N. Medieval Children. – New Haven: Yale University Press, 2001. – 387 p.
8. Fishman S. The History of Childhood Sexuality. // Journal of Contemporary History. – London, 1982. – Vol. 17, No. 2, Sexuality in History. – P. 269-283.
9. Арьес Ф. Ребёнок и семейная жизнь при Старом порядке / Пер. с фр. Я. Ю. Старцев. – Екатеринбург: Изд-во Уральского университета, 1999. – 415 с.

10. Баранов А. А., Альбицкий В. Ю. Младенческая смертность: уроки истории и перспективы снижения // Казанский медицинский журнал. – Казань, 2011. – № 5. – С. 690-694.
11. Библиографический указатель работ по истории детства (из фонда Научной библиотеки РГГУ) / Сост. Безрогов В. Г., Шенягина О. Л. – М., 2009. – 53 с.
12. Белова А. В. «Мир женского детства» в дворянской России XVIII - середины XIX века как методологическая проблема истории повседневности // Женщина в российском обществе. – Иваново, 2005. – № 3-4. – С. 28-38.
13. Буркин С. Ю. Эсхатологическое мышление как источник формирования современного понимания исторического времени // Вестник Томского государственного университета. – № 378. – Томск, 2014. – С. 108-111.
14. Выготский Л. С. Проблема возраста // Выготский Л. С. Собрание сочинений: в 6 т. – Т. 4. – М.: Педагогика, 1984. С. 244-268.
15. Гулик З. Н. Жестокое отношение к детям в эпоху Средневековья // Вестн. Том. гос. ун-та. – Томск, 2011. – № 350. – С.92-94.
16. Гуревич А. Я. Средневековый мир: культура безмолвствующего большинства. – М.: Искусство, 1990. – 396 с.
17. Гуссерль Э. Картезианские размышления. – СПб.: Наука, 2001. – 360 с.
18. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. –Изд. 2 – Т. 4. – СПб; М.: Типография М. О. Вольфа, 1882. –704 с.
19. Де Моз Л. Психоистория. Ростов-на-Дону: Феникс, 2000. – 512 с.
20. Долгов В. В. Быт и нравы Древней Руси. Миры повседневности XI-XIII в. – М.: Яуза; Эксмо, 2007. – 510 с.
21. Долгов В. В. Детство в контексте Древнерусской культуры XI-XIII вв. // Этнографическое обозрение. – Вып. 5. – М., 2006. – С. 72-85.
22. Долгов В. В. Рождение и ранний период жизни ребёнка в Древней Руси XI—XIII вв. // Вестник Удмуртского университета. История. – Вып. 7. – Ижевск, 2007. – С. 67-86.
38. Зарецкий Ю. П. Детство в западноевропейских автобиографиях: от Средних веков к Новому времени // Неприкосновенный запас. – М., 2008. – № 2(58) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/nz/2008/2/za19.html> , свободный. – Загл. с экрана. – Яз. рус. – (02. 04. 2017).

23. Зимарева Е. А. Мотив пищи в публицистике XI-XVI вв.: Еда глазами жителей Древней Руси и гостей-иностранцев // Вестник РГГУ. – М., 2014. – № 12. – С. 168-173.
24. Квас Е. В. Ребенок и детство в современных гуманитарных исследованиях // Future Human Image. – Киев, 2014. – № 2. – С. 286-298.
25. Киричек Ю. А. Дискурс «Другого»: от философских традиций к теории идентичности // Научный ежегодник ИФиП УрО РАН. – Екатеринбург, 2013. – № 4. – С. 42-53.
26. Кон И. С. Детство как социальный феномен // ЖИСП. – М., 2004. – № 2. – С. 151-174.
27. Конструируя детское: филология, история, антропология / под ред. М. Р. Балиной. – М.; СПб: Азимут ; Нестор-История, 2011. – 550 с.
28. Костомаров. Н. И. Русская республика. – М.: Фирма СТД, 2008. – 607 с.
29. Кошелева О. Е. История детства: Филипп Арьес и Россия // Малолетние подданные большой империи: Филипп Арьес и история детства в России (XVIII – начало XX века). – М., 2012. – С. 25-31.
30. Кошелева О. Е. "Свое детство" в Древней Руси и России эпохи просвещения (XVI-XVIII вв.). – М.: УРАО, 2000. – 319 с.
31. Крупенина Мария Игоревна Концепция детства в литературе // ИСОМ. – М.; Краснодар, 2015. – № 3. – С. 202-205.
32. Кузьмина О. В. Детский костюм русского средневекового города // Археология и история Пскова и Псковской земли. – М.; Псков, 2011. – С. 110-116.
33. Левашкина З. Н. Жестокое отношение к детям в варварский период в западной Европе // Вестник ТГПУ. – Томск, 2012. – № 3. – С. 64-69.
34. Лисин Д. С. Вопрос религии во взаимоотношениях викингов и ирландцев в конце VIII - начале XI в. // Вестник Удмуртского университета. – Ижевск, 2015. – № 4-1. – С. 126-133.
35. Мид. М. Взросление на Самоа // Мид М. Культура и мир детства. Избранные произведения. – М.: Наука, 1988. – С. 88-171.
36. Морозова Н. А. Игрушки Древнего Новгорода // Новгород и Новгородская земля. История и археология. – Вып. 3. – Новгород, 1990. – С. 69-71.
37. Обухова Л. Ф. Детская психология: теории, факты, проблемы. – М.: Тривола, 1995. – 360 с.

38. Подвойский Д. Г., Наумова Н. П. Детство как социально конструируемый феномен // Вестник РУДН. Серия: Социология. – М., 2014. – № 2. – С. 43-60.
39. Политова М. А. История кукол: традиции и современная жизнь // Современное дошкольное образование. Теория и практика. – М., 2014. – № 7. – С. 72-78.
40. Постман Н. Исчезновение детства // Отечественные записки. – Вып. 3 (18). – М., 2004. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.strana-oz.ru/2004/3/ischeznovenie-detstva>, свободный. – Загл. с экрана. – Яз. рус. – (02.04.2017).
41. Потепалов Д. В. Виктимологические проблемы детства в Древней Руси и допетровской России (X-XVII вв.) // Педагогическое образование в России. – Екатеринбург, 2007. – №1. С. 110-116.
42. Пушкарёва Н. Л. Женщины Древней Руси. – М.: Мысль, 1989. – 286 с.
43. Пушкарёва Н. Л. Частная жизнь женщины в Древней Руси и Московии. – М.: Ломоносовъ, 2012. – 210 с.
44. Рассадина С. А. Табуированное удовольствие: концепты «Грех» и «Стыд» в контексте исторической антропологии детства // Вестник СПбГУ. Серия 6. Политология. Международные отношения. – СПб., 2008. – № 4. – С. 218-225.
45. Романов. Б. А. Люди и нравы Древней Руси. – Изд. 2. – Л: Наука., 1966. – 240 с.
46. Ромашова М. В. Дети и феномен детства в отечественной истории: новейшие исследования, дискуссионные площадки, события // Вестник Пермского университета. – Вып. 2 (22). – Пермь, 2013. – С. 108-116.
47. Сальникова А. А. История елочной игрушки, или как наряжали советскую елку. – М.: Новое литературное обозрение, 2011. – 234 с.
48. Средневековая Европа глазами современников и историков: в 5 ч. – Ч. 2: Европейский мир X-XV вв. / Отв. ред. А. Л. Ястребицкая. – М., 1994. – 378 с.
49. Тендрякова М. В., Рожков А. Ю. Международная конференция «История детства как предмет исследования: наследие Ф. Арьеса в Европе и России» // Новое литературное обозрение. – М., 2010. – № 103 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/nlo/2010/103/te41.html>, свободный. – Загл. с экрана. – Яз. рус. – (02.04.2017).

50. Филиппова Г. Г., Василенко Е. В. Представления о возрастной периодизации детства в средневековой Руси // Знание. Понимание. Умение. – №3. М., 2014. – С. 277-286.
51. Хорошев А. С. Детские игрушки из Новгорода (классификационный обзор археологических находок) // Новгород и Новгородская земля. История и археология. – Вып. 12. – Новгород, 1998. – С. 82-94.